

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**ЮРИЙ
СКУРАТОВ**
**ПУТИН -
ИСПОЛНИТЕЛЬ
ЗЛОЙ ВОЛИ**

Юрий Ильич Скуратов
Путин – исполнитель злой воли
Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018038
Путин – исполнитель злой воли.: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-4320-0059-0

Аннотация

Юрий Ильич Скуратов был Генеральным прокурором Российской Федерации в 1995 – 1999 г. После финансового кризиса 17 августа 1998 года Юрий Скуратов начал расследование деятельности 780 крупных государственных чиновников, которые подозревались в коррупции. В числе официально названных подозреваемых были Анатолий Чубайс, другие «молодые реформаторы», а также дочери Бориса Ельцина.

В начале 1999 года по указу Ельцина против Скуратова было возбуждено уголовное дело и в 2000 году он был отстранен от должности.

В своей книге Ю.И. Скуратов рассказывает о подлинной подоплеке этой истории и о той роли, которую сыграл в ней Владимир Путин, возглавлявший в то время ФСБ. По мнению автора, Путин был исполнителем воли ельцинской «семьи», испугавшейся прокурорского расследования их преступных действий.

Содержание

Вместо предисловия	4
Вызов к Ельцину	5
Коррупция и заказные убийства	10
Несколько встреч с президентом	18
Первое заявление об отставке	27
Газетная атака	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Юрий Ильич Скуратов

Путин – исполнитель злой воли

Вместо предисловия

В свое время «МК» предложил список из десяти человек под названием «Злой гений XX века», в который входили Ленин, Сталин, Берия и Ельцин. Первое место занял Ельцин, набрав чудовищно много голосов – 38,8 процента. Вероятно, это – эмоциональная оценка, к тому же не все из жизни этого человека известно людям, но думаю, будет известно все и история воздаст ему по заслугам...

Когда же Ельцин ушел из Кремля, то вместо себя оставил Владимира Владимировича Путина, которого я хорошо знал. Первым указом Путина был указ «О гарантиях президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Чего тут только не было, в указе этом! И неприкосновенность, распространяющаяся не только на самого «прекратившего исполнение своих полномочий», но и на занимаемые им «жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку». И пожизненное денежное содержание в размере 75 процентов оклада, и пожизненная государственная охрана плюс охрана членов семьи и сопровождающих его лиц...

Тут и пожизненное медицинское обслуживание бывшего президента и членов его семьи, и право на содержание за счет федерального бюджета аппарата помощников, а также «отдельного служебного помещения, оборудованного оргтехникой, средствами связи, в том числе правительственной связью», и пожизненное пользование одной из государственных дач – Ельцин избрал роскошную правительственную резиденцию «Горки-9». И еще – полным-полно различных благ для членов семьи бывшего президента после его кончины...

Некоторые газеты не выдержали, задали язвительный вопрос: а как в данном случае писать слово «семья», с большой буквы или с маленькой?.. Ответ на этот вопрос дает, в какой-то мере, эта книга: в ней я расскажу о той травле, которая была развязана против меня, когда я попытался затронуть интересы «семьи», и в которой я защищался, защищался всеми доступными законом способами...

Вызов к Ельцину

Тот мартовский день был солнечным. С самого утра пахло свежестью, оживающими деревьями, весной, талым снегом, еще чем-то очень вкусным, рождающим доброе настроение.

Но на душе доброго настроения не было. Хотя, если взглянуть на ситуацию с позиций чистого факта, отметая всякие эмоции, поводов для тоски и горя не было. Но человек есть человек. Человек – существо уязвимое, поранить его легко. Иногда ничего не стоит поранить. Я же не был исключением из правил.

Накануне, 17 марта, прошло заседание Совета Федерации, обсуждали мою отставку с поста Генерального прокурора России. Голосование ошеломило всех, кто следил за историей отставки, в том числе ошеломило и меня самого (а я все-таки готовился к худшему): 143 человека проголосовали против отставки и только шесть – за.

На следующее утро меня вызвал президент.

Вот теперь я и ехал к нему. В больницу, в так называемую «кремлевку». Утром, едва рассвело, мне позвонил Владимир Дмитриевич Метелкин – генеральный директор нашего медицинского комплекса на реке Истре, мы с ним каждое воскресенье в одной команде режемся футбол, – и сообщил, что ночью по второму каналу TV показали пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, занимается амурными делами с проститутками.

Гаденькая это штука, противная, вышибающая злую слезу обиды, – подобные, тщательно срежиссированные, тщательно склеенные пленки. Людям, что занимаются этим, обычно не подадут руки.

Звонок Метелкина светлых красок в настроение не добавил, но хорошо, что Владимир Дмитриевич предупредил меня.

И как только те, кто дал пленку в эфир, не понимают, что ее показ – это уголовное дело, за которое можно получить срок и отправиться в места, не столь отдаленные: ведь речь шла не только о банальной диффамации, но и оказании давления на прокурора в связи с расследованием уголовного дела, что является серьезным преступлением против правосудия...

Президент, казалось бы, по главной своей обязанности должен быть гарантом Конституции и законов, свято оберегать их, наказывать тех, кто преступает их, но, увы, этим гарантом президент наш оказался лишь на словах... К этому времени я уже понимал, что ни в 1993 году, когда танки в упор расстреляли здание парламента, он уже не был гарантом, ни когда отправлял ребят на бойню в Чечню, не был гарантом, ни в событиях весны 1996 года, когда он чуть было не разогнал Государственную Думу, – об этом я еще расскажу, – также не был гарантом. Не был он гарантом и в случае с незаконно уволенным генералом Коржаковым – начальником охраны, и в случае со мной. В основе всей его деятельности лежало, к сожалению, одно пренебрежение к закону, замешанное на осознании вседозволенности – ему, как царю, можно все. Правда, и прокуратура не проявила в этом вопросе достаточной принципиальности. А как он тасовал в последнее время премьеров и правительства?

В машину ко мне каким-то чудом прозвонила журналистка из телекомпании НТВ, попросила прокомментировать ночной показ пленки по РТР. Я чувствовал, как внутри меня возникло какое-то жжение, едва не перехватившее дыхание, за ним – злость.

Странная сложилась ситуация с показом этой пленки. Решение Совета Федерации состоялось, голосование известно: 143 на 6, аргументы сторон высказаны. По логике, показывать надо было до заседания Совета Федерации... Впрочем, раз давят – значит, был у окружения Бориса Николаевича страх, значит, они боялись. И прежде всего разоблачений, уличений в воровстве, во взяточничестве, в том, что они ободрали страну, сделав людей непомерно нищими, а себя непомерно богатыми...

– Считаю, что это – форма давления в связи с расследованием крупного уголовного дела, – сказал я.

– Какого дела? – заинтересовалась журналистка.

– Дело... – я задержал дыхание, решая, назвать или не назвать фирму, которой это касается впрямую, – швейцарской фирмы «Мабетекс».

Так я впервые на всю страну назвал фирму, связанную преступными нитями с кремлевской верхушкой.

– Давление же на меня оказывают те, кто боится расследования, – добавил я.

Сказать больше я ничего не мог, не имел права...

* * *

Вот и ЦКБ. Я поднялся на лифте на этаж, где находилась комната заболевшего президента. Первый человек, которого я увидел, был Юрий Васильевич Крапивин – начальник Федеральной службы охраны. Он пытался переговорить со мной о смене моей охраны. Дело в том, что Генеральный прокурор – один из восьми охраняемых государством лиц. В эту восьмерку входят сам президент, премьер-министр, председатели трех высших судов России – Верховного, Арбитражного и Конституционного, председатели двух палат парламента и Генеральный прокурор... Подобный разговор Крапивин вел со мной еще в феврале, но тогда я резко высказался против: мы начали расследовать дела, связанные с самыми могущественными людьми России, и смена охраны может быть чревата...

Я сказал Крапивину:

– Юрий Васильевич, я уже предупреждал вас в прошлый раз: если вы меняете мне охрану, я объявлю об этом всенародно и выскажу свои соображения по поводу того, зачем вы это делаете. Вы этого хотите?

Лицо Крапивина сразу сделалось кислым, и он от меня отстал.

Следом в коридоре повстречался Якушкин, пресс-секретарь прошел мимо, не поздоровавшись. Вот – даже не здоровается. В голове промелькнула грустная мысль: «Потомок декабристов... А воспитание недекабристское. Впрочем, человек, который столько лжет, утверждая, что президент работает по шестнадцать часов в сутки, вряд ли может быть потомком декабристов. Он потомок кого-то другого, из породы Хлестаковых».

В палате-кабинете президента находились трое: сам Ельцин, Примаков тогдашний премьер правительства и Путин – в то время директор Федеральной службы безопасности и секретарь Совбеза. «Если Борис Николаевич руки не протянет – я поступлю так же», – подумал я. Президент приподнялся в кресле и поздоровался за руку.

На столе перед ним лежала видеокассета с приключениями «человека, похожего на генпрокурора» и тощенькая папочка с материалами. Он ткнул пальцем в торец стола, где стоял стул. Сам он сидел за столом в центре, вертел в пальцах карандаш, постукивая им по видеокассете. У стола же, по одну сторону, лицом ко мне, сидел Примаков, по другую, как-то странно съежившись и натянув пиджак на сухой спине так, что были видны острые лопатки, – Путин.

За окном занималось солнце. Воздух сделался розовым, бодрящим, на ветках недалеких елей шебаршились птицы, стряхивали с лап чистый свежий снег.

Дверь в соседнюю комнату была приотворена. Мелькнула невольная мысль: «А не сидит ли там Татьяна Дьяченко? Очень может быть, что и сидит. Оттопырила по-крестьянски ухо и приготовилась слушать, о чем пойдет речь». В последнее время ежечасный доступ к «телу» – то бишь к отцу – имела лишь она одна. Значит, она «одна» (плюс незаменимые ее советчики Березовский, Волошин, Чубайс, Абрамович, Бородин, Мамут) и решает наши судьбы. В том числе и судьбы Примакова с Путиным, находящихся здесь.

Ельцин откинулся на спинку кресла, отдышался и произнес:

– Вы знаете, Юрий Ильич, я своей жене никогда не изменял...

Такое начало меня обескуражило, но не больше. Я понял: говорить что-либо Борису Николаевичу, объяснять, доказывать, что кассета вообще не может быть предметом официального обсуждения, бесполезно. Откуда вы взяли, господа, эту кассету? Вы же становитесь соучастниками преступления. Что вы делаете? Со-у-част-ни-ки.

И вдруг до меня, как сквозь вату, доходит голос президента:

– Впрочем, если вы напишете заявление об уходе, я распоряжусь, чтобы по телевизионным каналам прекратили трансляцию пленки.

Это же элементарный шантаж, за это даже детей наказывают, не только взрослых. Я смотрел на президента, но краем глаза, каким-то боковым зрением, заметил, что Примаков и Путин с интересом наблюдают за мной, Путин даже шею вывернул. Только у Примакова этот интерес носит какой-то сочувственный характер – Евгений Максимович понимает, в какую ситуацию я попал, – а у Путина интерес совсем другой...

* * *

Итак, первая фраза президента прозвучала, вызвала некий холод в душе, но я молчу, жду, что дальше.

– В такой ситуации я работать с вами не намерен, – произнес тем временем президент, – и не буду...

Я молчу, президент тоже молчит.

– Борис Николаевич, вы знаете, кто собирается меня увольнять? – наконец сказал я. – Коррупционеры. Мы сейчас, например, расследуем дело по «Мабетексу». Там проходят знаете кто?.. – Я назвал Ельцину несколько фамилий. – Это они все затеяли. Они!

– Нет, я с вами работать не буду, – упрямо повторил президент.

В разговор, понимая, что дальше молчать нельзя – я могу перехватить инициативу у Ельцина, – включился Путин.

– Мы провели экспертизу, Борис Николаевич, – сказал он президенту, – кассета подлинная.

Не может этого быть! Я даже растерялся – ведь экспертизы обычно проводятся в рамках уголовного дела... Но дела-то никакого нет.

– Тут есть еще и финансовые злоупотребления, – добавил Ельцин.

Мне вдруг стало обидно – я не то чтобы присвоить чей-нибудь рубль себе, не обязательно государственный, – я даже пачку скрепок не мог унести с работы, если у меня дома их не было, я просил жену сходить в канцелярский магазин. И вдруг – такое несправедливое обвинение, фраза, для меня страшная: «Финансовые злоупотребления». Я почувствовал, что у меня даже голос дрогнул от неверия в то, что я услышал:

– Борис Николаевич, у меня никогда не было никаких финансовых злоупотреблений. Ни-ког-да. Ни-ка-ких. Можете это проверить!

В разговор включился Примаков. Но он говорил мягко, без нажима. Евгений Максимович, как никто, понимал эту ситуацию, но понимал и другое: его пригласили для участия в этом разговоре специально, чтобы связать руки – ему связать, не мне, чтобы он потом не мог влиять на историю со мной с какой-то боковой точки действия.

Что меня больше всего удивило в этом разговоре? Не кассета. Другое. Первое – игнорирование правовой стороны дела: никакие законы для высшей власти не существуют. Второе: неуважительное отношение к Совету Федерации. Ведь эта разборка происходила на следующий день после его заседания, она возникла как следствие, как сюжетное противодействие, если хотите, тому, что уже случилось. Третье: нежелание «семьи» дать мне воз-

возможность переговорить один на один с президентом. Для этого и были подключены Примаков и Путин. Хотя я готовился к беседе наедине.

Тонкие разработчики, конечно же, – Дьяченко, Березовский, Юмашев, Чубайс и Ко.

Очень точно просчитывают свои ходы. Как шахматисты. Особенно Березовский с его системным мышлением. Он, конечно, стоит на голову выше всей этой команды.

– Надо написать новое заявление об отставке, – сказал Ельцин.

– И чем его мотивировать? Совет Федерации же только-только принял решение.

– Пройдет месяц... На следующем своем заседании Совет Федерации рассмотрит новое заявление...

– Но это же будет неуважение к Совету Федерации.

Ельцин в ответ только хмыкнул. Понятно, где он видит этот Совет Федерации. В голове у меня словно бы молоточки какие забарабанили, от их звонких ударов даже заломило виски. «Что делать... что делать... что делать? Надо как-то выиграть время. Это необходимо как воздух. Уже запланирован визит Карлы дель Понте в Россию, она скоро должна приехать. Ее приезд откроет многие карты, которые сегодня закрыты. Во всяком случае, я на это надеюсь. Надо сманеврировать и обязательно выиграть время... Нужно довести дело по «Мабетексу» до такой стадии, когда его уже нельзя «развалить», и подстраховать визит мадам дель Понте».

Вот такая задача стояла передо мною. И еще я понимал, что без очередного заседания Совета Федерации не обойтись. Все решить может только это заседание.

– Борис Николаевич, следующее заседание Совета Федерации запланировано на 6 апреля. Если я напишу заявление сейчас, то произойдет утечка информации, прокуратура за это время просто развалится... – тут я поймал тяжелый, непонимающий взгляд президента, он словно бы не верил в то, что слышал. – Я напишу заявление сейчас, но дату поставлю апрельскую, 5 апреля – самый канун заседания Совета Федерации. За это время я смогу разобраться со швейцарскими материалами... Это очень важно.

Надо отдать должное президенту, он меня поддержал:

– Ладно, расследуйте то, что начато, а заявление датировать 5 апреля.

Ход был правильный. Если бы я не написал заявления, то против меня были бы приняты резкие меры. Вплоть до физического устранения – от киллерского выстрела до наезда на мою машину какого-нибудь огромного, груженного кирпичами грузовика: эти ведь методы освоены в современном мире, в том числе и российском, в совершенстве. Ну, а уж насчет того, чтобы отстранить меня от должности указом, то тут уж, как говорится, Борису Николаевичу сам Бог велел...

Так с 18 марта по 5 апреля я получил возможность действовать, довести до конца начатые дела, продвинуть вперед историю с «Мабетексом» – пусть люди знают, что делает наша верхушка и как обходится с теми, кто указывает ей на нарушение закона.

* * *

Пока мы вели разговор, Борис Николаевич взялся за сердце, вяло приподнял руку, поморщился, одна половина его лица потяжелела, и он, хрипло дыша, вышел из комнаты. За окном продолжало светить, ликовать радостное весеннее солнце. Я заметил, как лица Примакова и Путина напряглись.

Через десять минут Ельцин вернулся, снова сел в кресло.

Когда я написал заявление, Примаков и Путин с облегчением вздохнули.

Выйдя из президентского корпуса на улицу, я хотел было сразу сесть в машину и уехать – слишком муторно, слишком противно мне было, – но Примаков задержал меня:

– Юрий Ильич, вы знаете, я скоро тоже уйду. Работать уже не могу. Как только тронут моих замов – сразу уйду...

В те дни в печати довольно широко обсуждался вопрос об отставке вице-премьеров Кулика и Маслюкова. Кулика, как мне казалось, – за дело. Он недалеко ушел от кремлевской верхушки. Создалось впечатление, что Евгений Максимович пытался этими словами сгладить ситуацию, оправдаться, и я понимал, насколько ему неприятно – ведь он попал между двух огней, – но должность его не позволяла сказать то, что он должен был сказать.

Выходит, Примаков тоже чувствует, что тучи над его головой сгущаются, что «семья» плетет вокруг него паутину, которая, того гляди, задушит премьера...

Я уехал на работу, а заявление, написанное на имя председателя Совета Федерации Строева, осталось лежать на столе у президента, как некий горячий лоскуток бумаги, вызывающий ощущение горечи, одиночества, боли – словно бы некий знак беды, которая накатилась на меня, будто лавина с крутого склона...

Со стола президента заявление перекочевало в сейф.

Президент сказал:

– Пусть оно полежит у меня в сейфе. Здесь не пропадет.

Через две недели заявление вынырнет оттуда.

...У себя на Большой Дмитровке я постарался как ни в чем не бывало начать обычный трудовой день. Я старался держаться, старался не подавать виду, что мне тяжело. Но чего мне это стоило!

Единственные, кто меня поддерживал в те дни, были моя семья – жена, сын с дочкой, теща – и еще несколько близких друзей.

Кое-кто из высокопоставленных особ, которые раньше первыми стремились поздороваться, подобострастно улыбнуться (знают жирные коты, чье мясо съели), сейчас стали проходить в пятидесяти сантиметрах от меня, совершенно не замечая, – похоже, действовали по примеру Якушкина. Видимо, считали – со мною покончено.

Ну что ж, вполне возможно, в этом есть доля истины, но до того, как это произойдет, я еще скажу несколько громких слов, и ворами обязательно скажу, что они воры. И уж потом громко хлопну дверью. Трудно мне было тогда, гораздо труднее, чем сейчас.

В прокуратуре меня поддерживали в основном рядовые сотрудники, с которыми я и знаком-то толком не был, подбадривали, угощали, когда я заходил в кабинеты, – кто чаем, кто тортом, кто бутербродом, – кто чем, словом, и это было очень трогательно. А вот замы мои – те самые, которых я собственными руками сделал замами, повесил на погоны большие генеральские звезды, – все усилия направили на спасение собственных должностей, забыв, как выяснилось позднее, и о чести, и о совести.

Но живем-то мы в одном мире, находимся на одной профессиональной площадке, как же они завтра будут смотреть в глаза своим коллегам?

Исключение составлял только Михаил Борисович Катышев, один из лучших следователей России, принципиальнейший, хотя и жесткий человек, но его вскоре постарались отстранить от командования важнейшим прокурорским хозяйством.

Но пока не отстранили, работа в прокуратуре кипела...

Коррупция и заказные убийства

Когда я еще только пришел в Генпрокуратуру, то понял – если буду разбрасываться, хвататься за одно, другое, третье, как это довольно часто делает начальство, работа просто-напросто съест меня, надо выбрать что-то главное, все остальное этому главному подчинить, распределить: это второй ряд, это – третий, это – четвертый и так далее...

Главными направлениями в борьбе с преступностью я выбрал два: коррупцию и заказные убийства.

«Коррупцию» в переводе с латинского – подкуп, разложение государственного аппарата, продажа чиновниками своих полномочий преступному миру.

Коррупция необходима нелегальному и полуполюгальному бизнесу, распространению наркотиков, контрабанде, торговле оружием, игорному бизнесу, – необходима как воздух, как вода. Без коррупции эти виды «деятельности», – за редким исключением, – не могут существовать.

Россия оказалась в этом смысле страной чрезвычайно уязвимой – как, собственно, и любая другая страна с экономической системой переходного типа. Если возможна сверхприбыль в сто – сто пятьдесят – двести процентов, то эту сверхприбыль надо получать. Для получения ее все средства хороши: и подкуп, и шантаж, и убийства. Прибылью нормальной, общепринятой в развитых капиталистических странах в три – пять – семь процентов уже не довольствуются. Вот такие в России «капиталисты».

Чиновников в России примерно один миллион. Один миллион человек, которые могут что-то разрушить, а могут и не разрушить – этакое социальное зло, которое криминальные элементы обязательно стараются использовать в своих интересах...

Я знал, что для борьбы с коррупцией нужна серьезная подготовка. И не только нравственная или техническая – нужны специальные подразделения в правоохранительных органах. Да и сотрудники не должны сидеть впроголодь на нищенской зарплате и при этом допрашивать сытого валяжного чиновника, вызванного в прокуратуру по факту взятки в несколько тысяч долларов. Более того, надо, чтобы следователь был обеспечен не только нормальной зарплатой, но и квартирой, иначе получается нонсенс: молодой человек с женой и ребенком или даже двумя детьми расследует дело о миллионах долларов и не имеет квартиры... Ведь однажды он может не устоять.

Но особенно «ценными» для преступников являются чиновники высокого ранга, это именно их «деятельность» выдвинула Россию в десятку самых коррумпированных стран мира. Криминологические исследования выявили страшную цифру – семьдесят процентов российских чиновников коррумпированы, именно на их подкуп коммерческие структуры выделяют до пятидесяти процентов своей прибыли.

Самые «дорогие» чиновники – те, которые работают в банковско-финансовой сфере и распоряжаются предоставлением кредитов на льготных условиях. Иногда до сорока процентов этого кредита возвращается в карман «благодетелей» в виде «хрустиков», «шуршиков» и т. д. – «живыми» деньгами, наличностью.

Ну а те, которые «высокого полета», те не стесняются – за продажу лицензий на нефть, газ, цветные металлы и другое ценное сырье берут, уже не стесняясь, – счетами в зарубежных банках на сотни тысяч долларов, подарками в виде особняков либо в виде теплого местечка на будущее в прибыльной структуре.

Иногда этих чиновников, что называется, «делают», проталкивая наверх, причем подчас это обычные уголовники, имеющие судимость.

Массовая приватизация «по-чубайсовски», обернувшаяся глобальным воровством государственных ценностей, сплела такой густой клубок, в котором слились воры, взяточ-

ники, хозяева «грязных» капиталов, спекулянты, что разбирать его прокуратура будет еще долго-долго.

Коррупция и организованная преступность уже образовали уродливую, опасную для государства структуру. Некоторые идеологи воровского капитализма говорят, что насытившиеся бандиты, устав от грабежей, воровства и убийств, превратятся в добропорядочных буржуа. Как бы не так! Эдит Пиаф однажды сказала, что у поэта никогда не может быть лица подонка и подлеца, так и у убийцы никогда не может быть лица поэта: бандиту не дано стать порядочным человеком.

* * *

В прокуратуре мы подготовили специальную антикоррупционную программу, о которой я доложил Борису Николаевичу Ельцину. В программе был намечен целый комплекс мер борьбы с этим злом. Ельцин одобрил программу. Чубайс же в бытность руководства администрацией президента ее благополучно похоронил.

Тогда мы подготовили проект указа по борьбе с коррупцией. До закона, похоже, еще далеко, пусть будет хоть указ. В проекте мы предлагали создать комиссию, в которую вошли бы все правоохранительные и силовые органы, – от службы охраны президента до налоговой полиции, – и передавали бы ей материалы, имеющие признаки преступления, именно по части коррупции.

Ведь руководители министерств часто поступают так: пожурят отечески взяточника у себя и все, этим и ограничатся, тогда как людей этих надо судить, взыскивать с них ущерб, принесенный в результате их коррупционных действий. Нужно было также создавать межведомственную следственно-оперативную группу, которая проверяла бы все факты коррупционных нарушений...

Проект указа, к сожалению, также был похоронен. Думаю – той же командой.

Мы подготовили и серию поправок в законы – например, в законы о выборах и государственной службе, препятствующие проникновению криминала во власть. Они были поддержаны Думой и Советом Федерации. В этом же пакете был и закон о доверительном управлении долями (акциями), принадлежащими государственным служащим. Как известно, закон в России запрещает совмещать госслужбу с коммерческой деятельностью. У нас же к этому относятся непоследовательно, одни выполняют этот закон, другие нет. Причем большинство, конечно же, не выполняют и, находясь на службе в каком-нибудь близком по профилю министерстве, работают на свои личные структуры, обогащаются, как могут. Таких примеров – воз и маленькая тележка.

Прокуратура, к сожалению, не обладала правом законодательной инициативы, а президент, его администрация и правительство не вынесли законопроект в Думу.

Предложили ряд поправок в Уголовный кодекс, предусматривающих ответственность за нецелевое использование кредитов. Много было жалоб на безденежье, много денег уходило в никуда, иногда они просто разворовывались. От этого страдало дело, но виновных никто не наказывал...

Особое внимание уделили усилению прокурорского надзора за расследованием преступлений, связанных со взяточничеством. А то ведь что получалось: в Дагестане, например, за год было выявлено всего семь взяточников. В Ингушетии и того меньше. В жизни же ситуация была совсем иной.

Пришлось взяться за это дело серьезно. В результате мы довели количество уголовных дел по взяточничеству до шести с половиной тысяч.

Начали наводить порядок и в прокуратуре. Если видели, что человек ненадежен, может «позолотить себе ручку» – убирали такого «золоторукого». В это время появился указ об обя-

зательном декларировании государственными служащими своих доходов, на судей и прокуроров этот указ не распространялся, но мы у себя приняли решение о добровольном декларировании.

Стало ясно, что все принимаемые Госдумой законы должны проходить криминологическую экспертизу именно на предмет коррупции, чтобы не случилось того, что произошло, например, с блоком законов и указов о приватизации: там было такое раздолье для взяточников и коррупционеров, которое может, наверное, только присниться в нехорошем сне либо привидеться в странной колдовской одуре...

По взяткам, например, существует довольно неутешительная статистика: реально только полпроцента мздоимцев попадаетеся – слишком сложное это дело, но чиновника, хапнувшего деньги, довольно легко схватить за руку, когда он начинает «отмывать» их. Вот тут-то и кроется ключевое направление деятельности правоохранительных органов.

Большинство чиновников предпочитает, конечно, «отмывать» свои деньги за рубежом. С учетом этого я выстроил «географию» своих поездок. Я побывал в Швейцарии, Греции, США, во Франции, на Кипре, то есть в тех странах, которые больше всего приглянулись «новым русским». Для решения главной нашей задачи – вернуть российские деньги домой – были подписаны договоры с прокуратурой Швеции, Кипра, Швейцарии, был готов к подписанию договор с прокуратурой Греции, но подписать его я не успел.

* * *

Первого февраля 1999 года – перед самым вызовом в Кремль к Бордюже, я направил письмо в правительство, Примакову, где подчеркнул, что в случае возврата в Россию ее валютных средств можно было бы не только решить проблему выплаты внешней задолженности, но и отказаться от финансовой помощи других государств.

В письме, по сути, была изложена целая программа действий по возврату денег из-за рубежа. Я предложил создать специальную правительственную комиссию по репатриации российских капиталов, во главе которой встал бы сам премьер-министр, следом такие комиссии надо образовывать на местах, в субъектах Федерации.

Комиссия могла бы, во-первых, создать сводный банк данных о фактах вывоза денег за рубеж, их размерах, о физических и юридических лицах, имеющих за рубежом возможные счета, виллы, коттеджи, квартиры, культурные ценности; во-вторых, провести проверки фактов вывоза капиталов за границу, ревизовать экспортно-импортные контракты за последние семь лет по таким позициям, как нефть и сопутствующие материалы, газ, металлы, оружие, пищевые продукты, агропромышленное оборудование. Перед этим правительство должно обратиться к тем, кто «грешен», с предложением в течение трех месяцев возвратить незаконно вывезенные капиталы в страну и гарантировать «грешникам» освобождение от уголовной ответственности. Если же «грешники» не вернут капиталы добровольно, то преимущественным методом возврата денег станет репрессивный.

Кроме того, назрела необходимость в Федеральном агентстве по экспортному контролю, которое замкнуло бы на себя вопросы реализации единой государственной политики в области экспортного контроля, формирования списка контролируемых товаров и технологий, порядка передачи их в зарубежные страны.

Не лишним было бы взять под более плотный контроль внешнеторговую деятельность хозяйственных организаций, которые не являются так называемыми спецэкспортерами, а также объявить 90-дневный мораторий на выдачу квот для продажи нефти. Эти меры, как подсчитали специалисты, отсекут криминал и поставят финансовые потоки под контроль государства.

Серьезным пополнением доходной части казны могло бы стать введение государственной монополии на экспорт и импорт высокодоходных товаров (алкоголь, табачные изделия, медикаменты), ограничения на вывоз валюты из России – сегодня ее можно вывозить сколько угодно, контроль за крупными расходами физических лиц.

И последнее, что я предложил, – ратифицировать подписанные Россией европейские конвенции «О выдаче преступников» и «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», а также присоединиться к международной конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» и вступить в международную координационную группу ФАТФ, чтобы можно было возвращать капиталы, полученные незаконным путем и конфискованные за границей.

В России комиссия по координации борьбы с коррупцией имела при Совете безопасности, возглавлял ее министр юстиции Ковалев, но работа в ней шла ни шатко ни валко, от случая к случаю. В конце концов руководство ею передали Генпрокурору.

Много внимания мы уделили и связям коррупции с оргпреступностью, эти явления переплетены в жизни очень тесно, ведь чиновники обеспечивают отечественным мафиози так называемую крышу, – все это надо было тщательно изучить, создать методику: как с этой напастью бороться?

В это время в Штатах группа американских исследователей опубликовала доклад, посвященный российской коррупции. Доклад, конечно же, интересный, но чрезмерно идеологизированный. Нас нарекли «империей преступности» (в советские времена мы были «империей зла»), и авторы сделали для себя несколько «открытий». В частности, они почему-то утверждали, что во время распада СССР из тюрем КГБ были выпущены все заключенные (у КГБ тюрем не было ни одной, имелся только следственный изолятор в Лефортове), что для возбуждения уголовного дела раньше было достаточно лишь одного телефонного звонка. Нелепость! Никогда такого не было.

В 1998 году я поехал в Вашингтон на встречу руководителей правоохранительных органов стран «Большой восьмерки»; в делегацию, кроме меня, входило еще три человека: Крашенинников Павел Владимирович из Министерства юстиции, Кожевников Игорь Николаевич из МВД и Особенков Олег Михайлович из ФСБ. В один из дней мне предложили выступить с лекцией.

Я выступил. Одобрив в целом идею, я начал разбирать американский доклад детально и в конце концов не оставил от него камня на камне. Разбил по мелочам. После лекции у меня состоялась беседа с одним крайне обиженным господином... Оказалось, это был один из авторов доклада. Обиды, конечно, обидами, это дело «преходящее», но нам важно было, как на нас смотрят. Национальные интересы страны – прежде всего...

* * *

Что же касается уголовных дел по коррупции, то при моем предшественнике Ильюшенко их возбуждали крайне мало – пугались должностей коррупционеров. При мне были возбуждены уголовные дела по вице-преьерам Коху, Давыдову, Чубайсу, по губернаторам Севрюгину и Подгорнову (Тула и Вологда), пришлось отвечать и министрам, и заместителям министров, и генералам. Всем памяты дела Кобеца – всесильного заместителя министра обороны (к слову, за свои деяния пришлось отвечать тридцати генералам), председателей Госкомстата и Госдрагмета, дело первого заместителя министра финансов Петрова, тверское дело, в результате которого посадили двух вице-губернаторов и начальника РУОПа, дела Собчака и Станкевича...

Непросто далось возбуждение уголовного дела в отношении Ильюшенко. Я и тогда, честно говоря, не спал ночами – никак не мог решиться на это... Но, надо сказать, я и сейчас

бы принял такое решение. Тем более факты по бывшему генпрокурору сотрудники ФСБ собрали убедительные.

Сам Ильюшенко оказывал сильное противодействие следствию. Если бы не это, его можно было и не арестовывать... Но – пришлось.

К сожалению, часто оперативники добывают добротный материал по части «сильных мира сего» и их грехов, но эти материалы запрещают использовать, они стареют, что называется, уходят в песок. Очень трудно возбуждать дела против высокопоставленных чиновников. Давят все, кто только может давить. Например, когда мы прижали такого матерого преступника, как банкир Смоленский, то нас немедленно стала прессовать президентская администрация и прежде всего – Юмашев, тогдашний глава администрации. Пригласив меня в Кремль, он долго объяснял, что этот ранее судимый банкир был одним из финансистов выборной кампании Ельцина, а значит – хорошо информированным о кремлевской «кухне» человеком.

Юмашев быстро уговорил министра внутренних дел Степашина, тот начал давить на своего зама Кожевникова, руководившего следственным комитетом МВД.

В конце концов Кожевников не выдержал, приехал за поддержкой ко мне.

– Я вас всегда готов поддержать, Игорь Николаевич, – сказал я ему. – Закон есть закон, он для всех одинаков. Надо было думать раньше, когда Смоленского привлекали к избирательной кампании.

Но чем все это кончилось, вы знаете: уголовное дело против банкира было прекращено следственным комитетом МВД РФ, а Кожевникова в МВД не стало.

На периферии, в краях и областях российских тоже хватало дел. Курский губернатор Руцкой, например, всей своей мощью пробовал давить на областного прокурора Николая Александровича Ткачева. Ткачев арестовал двух замов Руцкого – Копончука и Бунчука, которых на курской земле прозвали Чуком и Геком, а также завел уголовное дело на брата Руцкого – заместителя начальника областной милиции... Руцкой несколько раз приезжал ко мне, требовал освободить арестованных, требовал снять прокурора, но я не уступал.

Но вот меня в прокуратуре не стало, и Чук с Геком незамедлительно очутились на свободе.

Чувашский президент Федоров также пробовал «размять» прокурора республики Виктора Александровича Русакова – тот опротестовал несколько указов, возбудил уголовное дело против охранника президента и разом сделался неугодным.

Из-за владивостокского прокурора Валерия Владимировича Василенко возник конфликт даже с администрацией президента, а магаданский прокурор Александр Альфредович Неерди – единственный, кстати, эстонец среди прокуроров, – возбудил уголовное дело, затрагивающее интересы самого губернатора...

Я не «сдал» ни одного прокурора субъекта Федерации. Все увольнения произошли уже после меня.

* * *

Второе главнейшее направление в деятельности Генеральной прокуратуры по борьбе с преступностью – заказные убийства, или, как их еще иначе называют, убийства по найму. За годы реформ мы с этим столкнулись очень плотно. Кого только не было среди жертв! Но в основном – банкиры, крупные предприниматели, коммерсанты, потом в этот ряд начали попадать депутаты, журналисты, неуступчивые чиновники.

Как правило, за всяким заказным убийством стоят экономические интересы. Общество же видит в основном внешнюю канву, рисунок убийства, но не видит того, что остается за кадром.

Ельцин, например, после одного громкого убийства – Влада Листьева – снял с должности двух первоклассных специалистов: начальника московской милиции Панкратова и прокурора города Пономарева. Снял практически ни за что. С таким же успехом он мог освободить от должности самого себя: в накате преступности и, в частности, появлении новых видов преступлений, таких, как заказные убийства, виноваты не столько Панкратов с Пономаревым, сколько инициаторы и «технологи» бездумных реформ, и в первую очередь президент...

Громких убийств мы насчитаем немало. Это и убийство Меня, и убийства Кивелиди, Холодова, Сыча, взрыв на Котляковском кладбище, позднее убийства Старовойтовой и Маневича.

Тема заказных убийств очень часто использовалась против меня, постоянно назывались одни и те же фамилии жертв. Но при этом умалчивалось другое. Многие дела были успешно расследованы: убийства депутатов Скорочкина и Айзердниса, убийства председателя Федерации хоккея Сыча и крупнейшего нашего конструктора, отца ракет «С-300» Смирнова, взрыв на Котляковском кладбище, убийство Холодова и многие другие.

Раскрывать заказные убийства сложно – во-первых, часто исполнителями являются профессионалы высокого класса, во-вторых, заказ проходит через несколько посредников.

Например, убийство Смирнова, который являлся генеральным директором крупнейшего оборонного завода, заказал его собственный главный инженер, захотевший обогатиться. Страшный заказ этот прошел через четырех посредников. Иногда посредников бывает пять, иногда – шесть, часто киллера, а также первых одного-двух посредников убивают, часто исполнитель заказа беспрепятственно покидает пределы России. Например, убийца Листьева благополучно отбыл из Москвы на юг, оттуда – за границу, где и отсиживался некоторое время...

Должен заметить, что не только у нас невелик процент раскрываемости заказных убийств. В США он всего 8 процентов. У нас же, особенно в первые годы реформ, оказались слабо подготовленными оперативные работники, не было следователей и прокуроров-криминалистов, ознакомленных с методикой расследования преступлений этой категории, имело место сильнейшее противодействие организованных преступных группировок, располагавших огромными финансовыми и техническими возможностями.

Зачастую неправильно применялись и новые нормы, демократизирующие уголовный процесс. В частности, право обжаловать в суд изменение меры пресечения. Например, один из бандитов – фамилия его Курдюмов, из банды Архипова, – организовал такое мощнейшее давление на суд (даже предъявил фиктивную справку, что он болен раком), что судья не выдержал, изменил меру пресечения, отпустил его домой. В результате «раковый больной» скрылся.

Были и факты предательства. Военная контрразведка, например, по делу Холодова сознательно не передавала нам информацию, которая у нее имелась, а один из оперативников этой службы, сидя у меня на совещаниях, «сливал» потом всю информацию основным фигурантам дела, служащим воздушно-десантных войск.

Часто следователи работали в условиях, мало подходящих для этого. Старший следователь по особо важным делам Леонид Константинович Коновалов, к сожалению, потерял семью – пропал на работе, ночевал в кабинете, в результате семья распалась... Но дело довел до конца.

Впоследствии он получил генеральское звание, стал государственным советником юстиции третьего класса.

По делу Листьева мы столкнулись с сильнейшим сопротивлением, нечистоплотностью ряда сотрудников МВД, а у одного из «действующих лиц» дела вообще оказались ксерокопии документов, находящихся у следователя. Как он их получил?

Пришлось срочно разрабатывать программу мер по борьбе с заказными убийствами. Для начала укрепили техническую базу следственных управлений, подняли зарплаты следователям, добились выделения жилья. Я занимался даже таким делом, как освобождение следователей от воинской службы, укрепил службу прокуроров-криминалистов. В Генеральной прокуратуре был создан специальный отдел прокуроров-криминалистов, приравненный к управлению. Возглавил его Вячеслав Николаевич Исаенко...

Работа пошла. Были созданы постоянно действующие группы, специализирующиеся на раскрытии заказных убийств. Вначале их работу мы проверили в ряде регионов, получилось очень даже неплохо. В эти группы входили следователи милиции и прокуратуры, оперативники, прокуроры-криминалисты, эксперты, судебные медики, технический состав. Группам постарались дать постоянные помещения, ведь они же были постоянно действующими, – автомашины, свои компьютеры, надо было создавать собственную базу данных. Свою работу группы начинали с осмотра места происшествия и вели ее до раскрытия преступления.

Так начал накапливаться опыт. Ситуация стала исправляться. В 1995 году уже было раскрыто 55 заказных убийств, в 1997-м – 110, в 1998 году цифра превысила двести.

* * *

За каждым громким заказным убийством – своя история, свои нападки, если хотите, на прокуратуру. И, поверьте мне, я много знаю, но не могу назвать фамилии, поскольку это повредит следствию, даже по тем делам, которые расследованы и переданы в суд, также не могу назвать фамилий, поскольку существует презумпция невиновности и пока суд не назовет преступника преступником, никто не имеет права называть его так.

А мастера заказных убийств действуют изощренно. Среди них есть такие специалисты, что нам только удивляться приходится.

Взять, например, дело об убийстве банкира Кивелиди. Можно написать целую книгу. Ядом была обработана телефонная трубка, которая убила не только Кивелиди, но и его секретаршу. Была проделана гигантская работа, чтобы синтезировать яд. Нам здорово помогла экспертиза – она точно расписала по часам и минутам симптомы, которые появляются у людей при отравлении этим ядом. Этот «график времени» мы наложили на рабочее расписание банкира, выяснили, кто у него был в «час икс»...

Дело об убийстве Димы Холодова и Влада Листьева, о которых я уже говорил. Оба дела находились у меня на личном контроле. Раз в два месяца я собирал у себя следственные группы. И по одному убийству и по другому. На этих совещаниях часто присутствовали и министры, и заместители министров.

Входе расследования дела об убийстве Листьева мы раскрыли сорок с лишним преступлений, арестовали банду Барыбина-Шкабары, на счету которой было тридцать убийств. В общей сложности члены этой банды получили более двухсот лет лишения свободы.

Как-то мне позвонил Ястржембский:

– Сегодня Борис Николаевич выступал в МИДе. К нему пыталась пробиться одна женщина, которая говорила, что знает людей, убивших Листьева. Я записал ее координаты. Это интересно?

– Да!

Я передал координаты руководителю следственной группы Петру Грибою. Тот нашел эту женщину. Она рассказала, что в электричке с ней случился приступ. На соседней скамейке ехали несколько молодых людей, которые думали, что она спит, и довольно откровенно рассказывали друг другу, что испытывал каждый ихних, убивая Влада. Женщину эту допрашивали три или четыре дня. Говорила она блестяще – причем говорила то, что

нужно следователю, приводила мелочи, детали, которые придавали достоверность сказанному. Одного из убийц она, оказывается, видела на похоронах Влада.

Бригада следователей из четырех человек потратила месяц на изучение этой версии и лишь потом выяснили, что женщина страдает психическим заболеванием.

Иногда оперативники приволакивали какого-нибудь небритого бандюгу, который делал «добровольное» признание:

– Это я убил Листьева!

Но при первом же допросе, когда начинали сопоставлять детали, выяснялось, что Влада Листьева он видел только по телевизору.

В работе над делами об убийстве Холодова и Листьева следователи опережали оперативников, хотя обычно бывает наоборот...

Конечно же, в расследовании фактов коррупции, в расследовании заказных убийств – непечатый край работы, удалось сделать только первые, начальные шаги и надо было идти дальше, чтобы переломить ситуацию. Не позволили, не дали...

Несколько встреч с президентом

Думаю, что о Ельцине еще много будет написано. Всякого, и хорошего, и плохого, как о первом правителе в постсоветском пространстве. Мое видение президента – это мое видение.

Хотя я и много общался с Борисом Николаевичем Ельциным, много читал о нем, я не уверен, что понял до конца этого человека.

Фигура эта – очень противоречивая.

Для меня есть два Ельцина, и я хорошо, без бинокля, с близкого расстояния, наблюдал и того, и другого. Первый Ельцин – это доброжелательный, приветливый, с теплым пожатием руки, с поддерживающими словами, которые, наверное, мог находить только он, и больше никто; и второй Ельцин – это человек, который все делает для того, чтобы удержаться у власти, – властолюбивый едва ли не до патологии, болезненно реагирующий на любую попытку критиковать его, раздражительный. Всякие хвори, о которых очень много писали, конечно же, наложили на него отпечаток.

Всегда, сколько бы мы с ним ни встречались, по голосу – теплому, участливому или, наоборот, холодному, отчужденному – я понимал, в каком состоянии он находится и как его настроили ко встрече со мной, как подготовили. Раньше его готовили Краснов – помощник по правовым вопросам и Орехов – начальник соответствующего управления, позже – это было в большинстве случаев – дочь Татьяна и Чубайс. Последние готовили, конечно, тенденциозно, субъективно, по-своему, как им было выгодно, трактовали некоторые события, связанные с деятельностью прокуратуры. Будучи настроенным против меня, Ельцин всегда вел себя агрессивно, подозрительно. Либо, наоборот, если никто с ним специально не поработал, был дружелюбен, участлив. Очень разным бывал этот человек, любой вызов к нему – это ребус, который до встречи с ним разгадать невозможно.

Последняя деловая встреча в Кремле с ним произошла в октябре 1998 года. Мы планировали – на этот раз с Ореховым – провести разговор по Центральному банку, было еще несколько серьезных вопросов, к которым я тщательно готовился – их надо было обязательно обсудить с президентом, – в общем, предстояла напряженная работа.

Я зашел в кабинет, известный по многим телерепортажам, поздоровался, сел, как обычно, на стул справа от президента, почувствовав некий жар от телевизионных камер – в кабинете было полным-полно телекорреспондентов.

Борис Николаевич, явно обращаясь к телекамерам и почти не видя меня, работая на публику, произнес:

– Давайте мы с вами спросим у Генерального прокурора: какие дела по коррупции, по убийствам он довел до суда? Какие громкие дела вообще расследовал?

И так далее. Поскольку у меня все это довольно плотно сидело в голове, – ведь этим приходилось заниматься каждый день, – я начал перечислять дела, которые мы направили в суд, и те, что еще расследуем не без успеха, в какой стадии они находятся, какие есть трудности... В общем, перечень у меня оказался большой. Борис Николаевич несколько удивился, как мне показалось, тому, что я «сизжу в материале», а главное, что сделано немало и речь идет о довольно громких фамилиях и должностях, дал высокую оценку: видите, прокуратура у нас работает, понимаешь, неплохо, особых претензий у меня к ней нет...

И – ни слова о Центральном банке, о вопросах, с которыми я к нему пришел. Такие «проколы» стали случаться все чаще и чаще после дела, связанного с «коробкой из-под ксеркса», с гигантской суммой долларов. Похоже, президент перестал доверять мне. Либо его все время настраивали против меня.

* * *

После той октябрьской встречи с президентом я пошел к Орехову:

– Почему не удалось обсудить с президентом вопрос о Центробанке? Вы что, не подготовили его?

В ответ Орехов довольно мрачно сообщил, что президент был полностью подготовлен по ЦБ. Другой же мой знакомый сказал, что перед самой встречей со мной у него побывала дочь Татьяна. Скорее всего, именно она отвела беду от Центробанка, а также сформулировала этот, как она считала, «коварный» для меня вопрос.

Со сложным ощущением уехал я тогда из Кремля. С одной стороны, мне казалось, что меня хотят подловить, поставить подножку, свалить на землю, с другой – это сделать не удавалось. Но, как бы там ни было, становилось все труднее и труднее работать – я перестал находить понимание у Бориса Николаевича.

Конечно, толчковым моментом в изменении наших отношений стала та самая пресловутая коробка с деньгами. Если бы я – в нарушение закона, – сделал вид, что ничего не заметил, – у меня до сих пор с президентом были бы наишоколаднейшие отношения. Но все-таки, коли я служу закону, защищаю закон, я обязан это делать, обязан обговорить и неприятные вещи, дать правовую оценку любому нарушению закона.

Именно из-за этой коробки президент перед телекамерами устроил публичную разборку, спрашивая за дела, которые стали «висячими» давным-давно, за четыре года до моего прихода в Генпрокуратуру, и обвиняя в том, что она управляется не мною, а как-то со стороны.

Честно говоря, мне тогда хотелось встать и уйти. Но это было бы демаршем, а такой демарш – совершенно ник чему прокуратуре. А телевизионщики, они точно бы показали все однобоко – не в мою пользу. Вот так мы и общались с президентом, он то хвалил, то ругал меня.

Кстати, все каналы все время давали только возмущенную речь Бориса Николаевича, и – ни одного моего возражения ему, ни одного аргумента, хотя у меня и тогда нашлось что ответить президенту.

В тот же раз, в хмурый октябрьский день, когда телевизионщики ушли из кабинета, я сказал президенту:

– Борис Николаевич, у вас возникло недоверие ко мне после коробки из-под ксерокса – будто бы я возбудил уголовное дело на ровном месте... Так вот, я действовал по закону. И вы в этой ситуации не правы. Вы должны доверять и прокуратуре, и мне лично. Нас, конечно, есть за что критиковать, но только не за это...

В общем, слова мои были примерно такими. Воспроизвел бы какой-нибудь телеканал такую мою речь на экране? Да никогда. Никогда и ни за что, а я такие вещи говорил президенту часто. Говорил в лицо.

Должен заметить, что следственным путем раскрываются только десять процентов преступлений, девяносто процентов раскрываются оперативно-розыскными действиями. Так что вопросы об убийстве Александра Меня, Дмитрия Холодова, Владислава Листьева должны адресоваться не столько мне, сколько совершенно другим людям, другим силовым структурам, но президент этого словно бы не ведал и спрашивал с меня.

А вот то, что он должен был спросить с меня – дела о Центробанке, о Чубайсе, Козленке, Березовском, Кохе и других, – не спрашивал. Потому что, я так полагаю, – не велела дочь Татьяна.

Татьяне же он доверяет стопроцентно, полностью, и все свои информационные источники сузил всего до нескольких человек, из которых Татьяна Дьяченко стала главным. Виной

всему была, конечно же, болезнь: Борис Николаевич не мог уже работать так, как работал раньше. Возникла некая изоляция, пояс отчуждения, который разорвать очень трудно.

* * *

Я не был ни разу ни в семье президента, не был с ним ни на охоте, ни на рыбалке, ни в бане. Но вместе, за одним столом, бывал неоднократно и видел его, что называется, с расстояния вытянутой руки, когда человека и рассмотреть основательно можно, и понять, что он собой являет, можно.

Так, я был вместе с президентом на серебряной свадьбе Коржаковых, вместе мы встречали Новый, 1998 год.

На новогоднюю встречу Ельцин пригласил десять супружеских пар. Были Черномырдин с женой, Куликов, Юмашев, Немцов с женами, а также дочери президента Татьяна и Елена с мужьями. Ничто не предвещало тогда, что Куликов вскоре будет освобожден от занимаемой должности вице-преьера и министра внутренних дел, что Черномырдин через три с небольшим месяца будет отправлен в отставку вместе со своими замами и членами кабинета. Разговоры были совсем иными, и настрой тоже был иным.

– Давайте договоримся – в наступающем году работать дружно, работать вместе, душа в душу, не разлучаться, поддерживать друг друга, – предложил Ельцин, – не то, понимаете ли, надоела кадровая чехарда. Предлагаю за это выпить...

Выпили. Что произошло дальше – вы уже знаете.

По иронии судьбы, на том празднике я произнес тост за президентскую семью, за то, что она является надежным прикрытием человека номер один в нашей стране, в России, оберегает его, создает условия для работы... Словом, обычный доброжелательный тост. Не думал я тогда, что скоро милое, теплое, святое слово «семья» станет нарицательным и будет олицетворять уже совсем иную истину и рождать совсем иные чувства...

Уже предвыборная кампания 1996 года досталась Ельцину очень тяжело. Он, хворый, с надсеченным сердцем, с больным дыханием, вынужден был ездить по городам и весям и веселить разных тинэйджеров, отплясывая перед ними что-то неуклюжее, медвежье. Из последней своей поездки он вернулся, едва дыша; сполз с самолетного трапа на землю и объявил членам выборного штаба, встречавшим его:

– Я сделал все, что мог, теперь дело за вами.

Губила президента и тяга к спиртному. Для России выпивать стопку-другую перед ужином – вещь нормальная, но когда стопку-другую, и не больше. А эта норма не устраивала президента. Мне доводилось быть свидетелем того, когда Коржаков запрещал наливать ему спиртное – вообще ни грамма, ни капли, – и официанты не наливали. Однажды Борис Николаевич очень зло выговорил официанту:

– Ты чего мне не наливаешь? Не уважаешь всенародно избранного президента?

Иногда требовал спиртного в еще более грубой форме.

По характеру Ельцин – лидер. И безусловно, очень интересный человек. Душа любого застолья. Может быть очень обаятельным, способен понравиться кому угодно, даже капризной заморской королеве.

И, конечно же, если бы его не подвело здоровье, он никогда бы не допустил семью к рулю, в рубку управления государством. Я знаю, что в Свердловске он никогда никого из своих родственников не подпускал к служебному столу, все вопросы решал только сам – домашние всегда старались держаться от него на расстоянии, вернее, он держал их на расстоянии. Но здесь произошло то, что не должно было произойти, – вначале запустили Татьяну Дьяченко в выборный штаб, а потом она просто-напросто окончательно обосновалась в Кремле.

* * *

Иногда мне удавалось выкроить минуту-другую в очень плотном рабочем графике и сделать небольшие записи в дневнике, сейчас они помогают мне в работе над этой книгой.

Ну вот, например, запись, сделанная 5 августа 1996 года, уже после выборов, после победы Ельцина в тяжелой выборной борьбе.

«Первоначально наша встреча должна была состояться в 12.00 в Кремле. Однако утром мне позвонили из секретариата Ельцина и сказали, что встреча переносится в Барвиху. Час встречи – тот же самый, 12.00».

В Барвиху я приехал минут за пятнадцать до аудиенции, рассчитывал собраться с мыслями, отряхнуться, но, к моему удивлению, меня сразу же повели к Борису Николаевичу. У дверей я увидел Татьяну и Наину Иосифовну. Лица – встревоженные.

– Борис Николаевич чувствует себя не самым лучшим образом, – сказала Наина Иосифовна. – Он сегодня очень плохо спал. Постарайтесь его не перегружать. Ладно?

Через несколько дней должна была состояться инаугурация, и я понимал, в каком состоянии сейчас находится президент.

Я постарался успокоить супругу президента.

– Не тревожьтесь, Наина Иосифовна, упадок сил после такой гонки бывает у всякого бегуна, некоторые после финиша даже двигаться не могут.

– Эльдар Рязанов тоже рассказывал, что после съемок всякого фильма он делается похожим на выжатый лимон, совершенно без сил. Так, наверное, и здесь, – сказала Наина Иосифовна.

– Да, Юрий Ильич... Закройте же наконец вопрос о коробке из-под ксерокса, – тем временем попросила Татьяна Борисовна, – и... насчет Чубайса. Это очень здорово беспокоит и меня, и...

Она хотела сказать «и – папу», но смолчала, и я прошел к президенту.

Ельцин стоял у стола. Медленно, как-то старчески, боком, развернулся, подал мне руку.

– Поздравляю вас, Борис Николаевич, с победой на выборах, – сказал я.

Он улыбнулся, медленным, заторможенным, будто бы чужим движением показал мне на стул.

Я стал произносить какие-то совершенно необязательные слова, потом добавил, что постараюсь не загружать его делами... В ответ Ельцин посмотрел на меня и одновременно сквозь меня, и сказал, что в принципе его сейчас волнует один вопрос... Он взял папку, лежавшую перед ним на столе, и спотыкаясь, по слогам, безжизненным голосом прочитал, что было написано на обложке: «О неудовлетворительной реализации Указа президента Российской Федерации о мерах по борьбе с фашизмом и другими проявлениями политического экстремизма». Он еле-еле справился с текстом, спотыкался, останавливался, глотал буквы... Половину слов он просто не выговорил.

В ответ на мои возражения президент картинно, будто русский богатырь, подбоченился:

– Я неудовлетворен вашим докладом.

Ну что ж, он – президент, он имеет право так говорить. А с другой стороны, кто-то постоянно подсовывал ему эти бумаги, кто-то специально подкладывал топлива в костер, на моей памяти это уже второй разговор с Ельциным на эту тему. На одной из прежних встреч он прямо, без всяких лишних слов, предложил «бартер»: он подписывает указ по освобождению Паничева, главного военного прокурора, а я в ответ возбуждаю уголовное дело против партии коммунистов. В «Независимой газете» в то время как раз прошла большая публикация о вооруженных формированиях коммунистов – якобы появились такие...

Но это были всего лишь слухи. От «бартера» я отказался.

Могло быть и другое объяснение недовольства президента. В частности, я, например, не согласовывал с ним возбуждение уголовного дела о «коробке», возбудил уголовное дело по своей инициативе, и это могло заесть президента, вот он и решил одернуть меня, поставить, так сказать, на место.

– А теперь давайте ваши вопросы, – сказал мне президент.

У меня было несколько вопросов, которые мне надо было обсудить, но я помнил о предупреждении Наины Иосифовны и Татьяны и честно говоря, хотел было воздержаться. Согласую, мол, их в другой раз, либо по телефону...

– Давайте, давайте, – повторил Ельцин.

Я попросил «добро» на проведение совещания по коррупции, сказал, что при обновлении правительства надо будет избавиться от недобросовестных, мягко говоря (а на деле от обычных воров и хапуг), чиновников, затем доложил о проблемах, связанных с правами военнослужащих, а также с предстоящим 275-летием российской прокуратуры...

Президент слушал, не перебивал меня, – вообще создавалось впечатление, что он «вчитывается» в текст, который слышит, анализирует его по ходу, но когда я перешел к конкретным делам и начал говорить о «коробке», он неожиданно тихим твердым голосом произнес:

– Может, хватит?

Я тут же свернул разговор. Подарил ему книгу по истории прокуратуры «Под сенью русского орла» и собрался уходить. Он пытался взять мои бумаги, книгу и папку с «мерами по борьбе с фашизмом», сложить в одну кучу, но не смог – у него тряслись руки, у него сильно тряслись руки. В конце концов все-таки собрался, встал, попрощался со мною – причем сделал это довольно дружелюбно.

* * *

Возвращался молча. Должен признаться, разговором и увиденным я был удручен, если не сказать больше – подавлен. До инаугурации остается всего несколько дней, а президент в таком состоянии. А если он упадет во время церемонии?..

Мои опасения усугубились после встречи с Бородиным. Павел Павлович сказал, что было уже несколько моментов, когда президент терял контроль над собой и погружался в состояние полной протрации. Миронову, начальнику медслужбы, он сказал: «Мы с тобою знаем друг друга уже сорок шесть лет!» Хотя знакомы они были от силы лет пять.

При встрече с Черномырдиным он все время твердил о каком-то сервисе. ЧВС никак не мог понять и потом долго пытал Бородин: что за сервис? Тот тоже ничего путного не мог сообщить, он просто не знал, о чем идет речь.

Намечалась встреча с белорусским президентом Лукашенко, и Черномырдин, видя немощность Ельцина, предложил:

– Может, я заменю вас, Борис Николаевич?

Ельцин враз потяжелел лицом, в глазах у него возник беспокойный свинцовый блеск.

– Вначале я, а уж потом – вы... Понятно?

Да, все было понятно. Куда уж больше! Ельцин не хотел ни на мгновение, ни на секунду упустить власть...

Но вернемся на «круги своя». Паничева, конечно, освободили – об этом, кстати, я до сих пор жалею, но уголовное дело по коммунистам я возбуждать не стал. Не за что возбуждать. Из разговора того я сделал вывод, что бывший коммунист Ельцин стал патологическим антикоммунистом, преобразование завершилось. Хотя это было печально: Борис Николаевич, как президент, должен был ко всем относиться одинаково ровно.

К разговору о «коробке» в доме Ельцина возвращались, как я понял, периодически, «коробка» уже навязла у него в зубах, поэтому и реакция была такая негативная: «Может, хватит?» Раньше, когда мы это обсуждали, он всякий раз говорил: «Как решит прокуратура, так и будет». Мне он сказал совершенно однозначно: «Действуйте по закону...»

Но всякий раз дома, за обедом, в дело вновь включалась «тяжелая артиллерия» – Татьяна и Наина Иосифовна. И так раз за разом, заход за заходом. Они добивали его. И, конечно же, дома, под рюмочку, не раз звучали слова: «Папа, а Скуратов твой – нехороший. Бяка! Не хочет дело о «коробке» закрыть». Но на поправление закона я идти не мог, не мог и не хотел.

На разных приемах, при большом стечении народа Татьяна трижды подходила ко мне с просьбой закрыть дело о «коробке», и я всякий раз отвечал ей: «Татьяна Борисовна, закрыть это дело можно только со скандалом, а скандал сейчас нам не на руку, его немедленно использует оппозиция».

И все-таки они – Татьяна, Юмашев, Березовский – давили президента. При оценке деятельности прокуратуры все чаще и чаще против меня пускались в ход не «мои» аргументы: Мень, Листьев, Холодов – эти дела, мол, не раскрыты...

Чубайс, тот действовал вообще нахраписто, внушал президенту: «Прокуратурой руководит Илюхин». Да, Илюхин действительно приходил в прокуратуру. Ну и что? А как иначе? Он председатель профильного думского комитета. Ко мне приходили и Лебедь, и Жириновский, и Аушев, и Наздратенко – прокуратура для всех открыта...

* * *

Часто вспоминал я и другую встречу с президентом, в один из воскресных весенних дней 1996 года, еще до выборов. Об этой встрече я хочу рассказать особо.

Меня неожиданно пригласили приехать в Кремль – аудиенцию назначили на одиннадцать часов дня. Аудиенция эта была внезапной, в выходные дни... Значит, что-то произошло. Или происходит.

Я приехал в Кремль. Передо мной в кабинете Ельцина побывал Ковалев, министр юстиции.

– Президент настаивает на роспуске Государственной Думы, – сказал он.

– Г-господи! – невольно вырвалось у меня.

– Я пытался его убедить, что этого делать нельзя, он – ни в какую. Так что будьте готовы к нелегкому разговору. Проект указа уже отпечатан, лежит у него на столе.

– Чья это инициатива?

– Сосковца.

Я слышал уже не раз от первого вице-премьера: что нам Дума! Тьфу! Разогнать ее пинком под зад – и дело с концом. Тем более Сосковец, как руководитель предвыборного штаба, видел – президент не в форме, популярность его упала донельзя, здоровье стало совсем слабым – ситуация очень опасная.

Вот в один из наиболее выгодных моментов он и доложил президенту: давайте перенесем выборы! Думу распустим. Все равно она – коммунистическая. Эта мысль и запала Ельцину в голову.

Тут меня позвали в кабинет. Я вошел. Президент поздоровался со мной и затем произнес необычно быстро:

– Юрий Ильич, я принял решение распустить Думу... в ответ на ее решение денонсировать Беловежское соглашение. Подскажите, какие для этого могут быть юридические основания?

Я стал говорить, что задуманное сделать трудно – довольно четко прописано это юридическое действие в законе, ни одно из перечисленных в Конституции оснований не подходит для данной ситуации.

Но Ельцин действовал в своем стиле, говорил напористо, жестко, и я понял – для себя он все уже решил. Как понял и другое – разъяснять ему юридическую несостоятельность вопроса бессмысленно, и перевел разговор в политическую плоскость:

– Борис Николаевич, зачем вам это надо – распускать Думу? У вас и без этого есть все шансы выиграть выборы. А Запад поймет роспуск Думы негативно. Да потом Дума все же, какая она ни есть, была избрана в соответствии с Конституцией, распускать ее – значит нарушить Основной Закон России...

Привожу аргумент за аргументом, вижу – не действует. В конце концов я сказал:

– Борис Николаевич, я бы десять раз подумал, прежде чем это сделать.

– Ваша позиция мне понятна, – произнес президент, и мы с ним распрощались.

Следом за мной в кабинет зашел Куликов, потом приехал Туманов... Всем президент говорил, что предыдущие посетители (в том числе и я) были согласны с разгоном Думы.

В тревожном, каком-то надломленном состоянии я уехал к себе в прокуратуру, на Большую Дмитровку. Надо было что-то делать. Пока я сидел, раздумывал, раздался телефонный звонок по вертушке. Звонил Анатолий Сергеевич Куликов. Он также находился в каком-то тревожном, подвешенном состоянии.

– Я, – сказал он, – собрал своих замов, и все они в один голос заявили: «Это – авантюра! И вообще, это приведет к непредсказуемым последствиям. У нас не хватит ни сил, ни средств, чтобы удержать страну в ровном состоянии. Вдруг начнутся волнения? МВД просто не справится со своей задачей...»

Решили поступить так – вызвать Туманова, председателя Конституционного суда, и переговорить втроем.

Собрались у меня на Большой Дмитровке, все трое. Туманов – хотя и довольно вяло – нас поддержал: не дело это – разгонять Госдуму. Решили ехать к президенту. Втроем.

Было понятно, что президенту вообще мало кто говорит правду. Ни помощники, ни советники. Никто не говорит ему, как воспринимаются его реформы, что говорят о нем. Это давняя болезнь российского чиновничества замазывать глаза начальству, черное выдавать за голубое, а фиолетовое (фиолетовый цвет на Востоке – цвет траура) за розовое. Туманов – человек, который стоял на страже Конституции, должен был действовать более жестко.

Приехали в Кремль, у Ельцина кто-то сидит. Помощник доложил о нашем приезде. Мы договорились, что первым начинаю я, затем Куликов и последним самый нерешительный, Владимир Александрович Туманов.

Президенту не понравилось, что мы приехали втроем. Встретил он нас настороженно, взгляд недобрый, исподлобья – у него всегда было великолепное чутье, у нашего Бориса Николаевича. Хмуро кивнул, усадил нас в кресла:

– Ну?

Я, как и договорились, начал первым. Привел, как мне кажется, все доводы из тех, что имелись в нашем законодательстве, – ничего постарался не упустить. Нельзя разгонять Думу, мы этим ничего не приобретем, только потеряем...

Ельцин отрицательно покачал головой:

– Нет, вы меня не убедили.

Мою речь продолжил Куликов. Он очень доказательно и очень взвешенно говорил о том, что у МВД не хватит сил и средств не только денежных, но и технических, чтобы удержать ситуацию под контролем, что мир в России может рухнуть в один момент и тогда все покатится в тартарары. Но Ельцин и на это ответил:

– Нет!

Следом выступил Туманов. Выступил, увы, очень робко. Реакция президента была прежней.

Так ни с чем мы и покинули кабинет президента.

* * *

Я уже знал, как собирались технически совершить роспуск Думы. Очень просто: закрыть двери и не пустить депутатов в здание. А уж потом разбираться со всеми поименно...

Втроем мы зашли к Илюшину, у него находились Шахрай, Орехов, еще кто-то. Все трое тоже были против роспуска Думы.

Из кабинета Илюшина позвонили Черномырдину. Вначале с ним переговорил Куликов, потом я. Черномырдин несколько удивленно сообщил, что Ельцин ему очень кратко, мимо-летно сообщил о роспуске Думы, сообщил как-то поверхностно, сказал также, что все, кого он вызывал «на ковер», с этим были согласны...

– А вы, значит, не согласны? – спросил у меня ЧВС.

– Нет.

Потом мне Черномырдин так рассказывал об этом разговоре: «Я сказал: «Борис Николаевич, я все-таки у вас премьер, почему вы решаете такие важные вопросы без меня? Зачем вам это нужно? Это вас Сосковец подбил? Он? Знаете, почему он это сделал? Завяз в пред-выборных делах, завалил их... Но все еще можно, Борис Николаевич, поправить...»

Отвлекаясь, скажу, что Черномырдин обладал очень важным качеством, отличающим его от Степашина и даже Примакова, – он умел спорить с президентом. А когда кругом вата, все потакают и готовно смотрят в рот, такое качество обращает на себя внимание. И Ельцин, который хорошо знал правило, что опереться можно лишь на то, что сопротивляется, ценил за это Черномырдина.

Потому ЧВС так долго и держался на своем посту.

Но Ельцин не принял и возражения Черномырдина.

– Ничего отменять не будем, – сказал он, – завтра утром собираемся в шесть ноль-ноль.

Хотя президент встает обычно рано, но в шесть утра рабочий день свой не начинает, здесь ранняя явка была обусловлена одним обстоятельством: Государственная Дума начала свою работу в понедельник в девять. До девяти утра надо было все решить.

На этот ранний сбор я приглашен не был. Были Куликов Анатолий Сергеевич и другой Куликов, Александр Николаевич, генерал-полковник милиции, начальник Главного управления внутренних дел Московской области. Ход был разработан такой: если Анатолий Сергеевич заартачится, будет стоять на своем – немедленно освободить его от занимаемой должности и тут же подписать указ о назначении министром внутренних дел другого Куликова, Александра Николаевича. А уж тот сделает все, что нужно.

Я сказал Анатолию Сергеевичу:

– Будете выступать у президента, выступайте и от моего имени, от имени Генеральной прокуратуры.

Анатолий Сергеевич так и сделал.

Президент резко оборвал его:

– Вы за себя только говорите, не за других!

– Тем не менее мы оба считаем, что роспуск Думы противоречит Конституции – это раз, и два – у МВД, как я уже говорил, Борис Николаевич, нет ни сил, ни средств, чтобы обеспечить порядок в стране в случае волнений. Это слишком серьезно...

Вскоре президент пошел на попятную, его сумели убедить, что Госдуму разгонять нельзя. Ситуация была критическая, мог повториться 1993 год... А я лишний раз убедился

в том, что у президента никогда не было уважения к Конституции, к законам, все это для него являлось обычными игрушками, с которыми можно поступить так, а можно поступить и эдак, сломать и выкинуть, и ощущение это рождало чувства не самые лучшие.

Говорят, что каждый народ достоин того правителя, которого он выбрал, но я считаю, я убежден, что русский народ не заслуживал того, чтобы им управлял такой человек.

В этом в те весенние дни 1996 года я убедился окончательно.

Первое заявление об отставке

Первого февраля 1999 года мне позвонил Бордюжа. Попросил подъехать. Сговорились, что в шестнадцать ноль-ноль я буду в его кабинете.

Повесил трубку на рычаг, почувствовал – что-то больно вонзилось в сердце. Одинокó сделалось, так одинокó, что, поверьте, и пером не опишешь, и словом не обскажешь – будто бы очутился посреди огромной пустыни, посреди многих ветров, и все ветры дуют, все стремятся сбить с ног, засыпать песком.

Неурочный вызов в Кремль, к главе ельцинской администрации, ничего хорошего не предвещал.

И вообще, я кожей своей, спиной, затылком, кончиками пальцев, висками чувствовал – готовится что-то недоброе. А что могло быть доброго, когда я 8 января возбудил дело против Березовского! Все газеты поведали сотни раз о том, что Березовский является и кормильцем, и поильцем, и кошельком «семьи», и предупреждали недвусмысленно: трогать кошелек столь высокой «семьи» опасно.

Да, было тревожно. Президент, во-первых, не поздравил с Новым годом. Все поздравили, а он – нет. Такого быть просто не должно, а раз «должно», значит, у этого «не должно» обязаны иметься свои причины. В моем положении несложно было понять, откуда ноги растут. Во-вторых, Бордюжа, когда мы общались, что-то недоговаривал...

Последний раз мы сидели рядышком дней десять назад на расширенной коллегии МВД. Я спросил его без всяких экивоков и вежливых пассажей, что называется, в упор:

– Николай Николаевич, ко мне, к моей работе, есть какие-нибудь претензии?

Бордюжа задумчиво приподнял одно плечо:

– Да нет... Нет претензий. Одно время были по части политического экстремизма, но сейчас вы вроде выправляете ситуацию.

И опять возникло то самое, знакомое, тревожное чувство: Николай Николаевич что-то недоговорил.

И я вспомнил: такое же ощущение было у меня и после последней встречи с Примаковым. Мы всегда общались с ним без всяких проблем, стоило мне поднять телефонную трубку – он ни разу не отказал во встрече, всегда находил время. И всегда разговор с ним был очень откровенный, я всегда получал у него поддержку.

А последняя встреча оставила какое-то невнятное ощущение. Словно бы Евгений Максимович, – так же, как и Бордюжа, – что-то недоговаривал. И вот какая странная штука: что-то в интонациях голоса у него было общее с Бордюжей.

В начале января я пришел к нему и сказал:

– Я возбуждаю уголовное дело против Березовского.

– В связи с чем? – спросил Примаков.

– В связи с тем, что Березовский прокручивает деньги Аэрофлота в швейцарских банках. Прошу вашей поддержки, прежде всего – политической.

Тогда Примаков заявил не колеблясь ни секунды:

– Обещаю!

И все равно в этой искренней интонации Евгения Максимовича уже было что-то не то. Чего-то не хватало, я даже не знаю – чего... Участливости, что ли. Или тепла. Или уверенности.

Это тоже послужило мне сигналом: что-то сгущается над моей головой, собирается в тяжелое пороховое облако, вот-вот, еще немного – и из этого облака блеснет молния. С ощущением того, что эта молния, расколов облако, выплеснулась, я и уезжал к Бордюже.

* * *

Были и еще кое-какие сигналы, этикие приметы надвигающейся грозы. По линии Совета Федерации состоялась конференция по вопросам федерализма, на которой мне было предложено выступить с докладом. Я выступил. Выступление было вроде бы удачным, но после конференции я пожаловался Строеву:

– Егор Семенович, кожей чувствую: вокруг меня заваривается какая-то неприятная каша...

Он не стал опровергать, произнес коротко и совершенно определенно:

– Да... Мы с Примаковым это знаем, потому и решили поддержать вас и предоставили на конференции слово в числе первых.

Тучи продолжали сгущаться. Имелась и кое-какая оперативная информация, подтверждающая мои опасения. Татьяна Дьяченко обронила небрежно: «Скуратова будем убирать».

Это было обидно: Дьяченко хоть и дочка президента, но всего лишь дочка. Что позволено Юпитеру, то не позволено быку, и уж тем более дочке. Как она может убрать Генерального прокурора страны, когда это не только не ее прерогатива, это не прерогатива даже ее отца? Но, видать, Татьяна знала, что говорила...

Главный военный прокурор Демин встречался с Виктором Михайловичем Зориным – первым заместителем директора ФСБ, позже Зорин работал в Управлении спецпрограммы – самом таинственном, пожалуй, управлении в службе президента. Так генерал Зорин, услышав мое имя, произнес недовольно:

– Напрасно он высовывается. У нас есть пленка... – Зорин недоговорил, замолчал.

Недовольство Зорина было понятно: он дружил с первым заместителем министра финансов Петровым, а Петрова мы арестовали за взяточничество. Что же касается пленки, я даже не подозревал, что это такое, и спросил у Демина:

– Ты знаешь?

– Нет.

– И я не знаю. Прошу тебя, поговори с Зориным предметно: вдруг что-нибудь прояснится?

Демин пообещал, но обещание не выполнил.

Еще один источник обнаружился в администрации президента. Уже позже, когда я был отстранен от должности, оперативники передали мне следующую расшифровку. В разговоре с заместителем председателя Госдумы Юрьевым 3 февраля этот источник тоже дал понять, что меня будут снимать. Вот диалог. Ю – это Юрьев, И – источник.

«Ю. Я, говорит, разберусь. Это не проблема, тем более это сейчас легче, поскольку их главного-то (директора Федеральной службы налоговой полиции Алмазова) снимают, снимают и тех, кто это ведет.

И. Да.

Ю. В смысле не того, кого уже сняли, а в той структуре.

И. Тоже, да?

Ю. Да, все уже. Они и были запланированы. (Я и Алмазов.) А ты не знал этого?

И. Нет, мне говорили, но я думал, что знаешь как...

Ю. Я об этом знал месяц назад, даже полтора.

И. Ну, да об этом все говорили, но это не происходило.

Ю. В конце декабря уже об этом знал, что вот эти двое... У меня даже свидетели есть, я об этом Пархаеву сказал, а он мне не поверил. Потому, что эти двое как раз его главные друзья.

И. Да?

Ю. Он говорит, да не может быть. Я говорю, увидишь, еще как может быть». Разговор, повторяю, шел обо мне и Сергее Николаевиче Алмазове.

Это тоже оптимизма не добавляло, тревога временами становилась зримой, едва ли не материально ощутимой. Держаться в ровном состоянии было трудно, и когда стало понятно, что обвал все-таки произойдет, я сказал жене:

– Лена, хочу предупредить тебя: у нас могут наступить плохие времена. Мы возбудили уголовное дело по Березовскому. Березовский, конечно, нажмет на все кнопки, приведет в движение все колеса, чтобы уничтожить меня. Война будет нешуточная. Приготовься к ней.

Таким образом я постарался подготовить жену, и это было очень важно: не дай бог, если бы все случившееся обрушилось на нее, как лавина с крутой горы. А так она была спокойна, подготовлена к беде и в самые трудные минуты даже постаралась поддержать меня...

* * *

По поводу Березовского я написал письмо Ельцину и передал письмо опять через того же Бордюжу:

– Николай Николаевичу вряд ли смогу увидеть президента в ближайшее время, поэтому передайте ему письмо. Не информировать президента я не могу, поскольку здесь речь идет не только о Березовском, но и об Аэрофлоте. А Окулов, глава Аэрофлота, как известно, является затем Бориса Николаевича...

Бордюжа письмо президенту, естественно, передал, поэтому первое, что он спросил, когда я вошел к нему в кабинет, было:

– Что с Березовским?

Я ответил спокойно:

– Дело находится в стадии расследования, – затем коротко изложил фабулу дела.

И тут Бордюжа задал второй вопрос, который для меня был неожиданным:

– А что с «Мабетексом»?

Я удивился: откуда Бордюжа знает о «Мабетексе»? Это же пока еще не обнародовано. Грязное дело это касается управления делами администрации.

– Дело серьезное, – сказал я. – И неприятное. Слишком много в нем непростых моментов – замараны наши высшие чиновники. Особенно в документах, которые передала нам швейцарская сторона... Так что дело расследуем, Николай Николаевич.

У Бордюжи сделалось такое лицо, будто воротник давил ему на шею.

– Мне принесли тут один видеоматериал, – проговорил он с видимым трудом, – давайте его посмотрим вместе.

Приподнял лежавший перед ним на столе пульт и нажал на кнопку пуска. Замерцал экран телевизора, стоявшего недалеко от стола.

В видеомагнитофон уже была вложена кассета. Неужели это та самая пленка, о которой Зорин говорил Демину? Тут я увидел человека, похожего на меня, и двух голых девиц – те самые кадры, которые потом обсуждала вся страна.

Состояние, в котором я пребывал в те минуты, можно сравнить разве что с ошарашенностью. И одновременно с каким-то странным горьким ощущением, когда от неверия даже начинает останавливаться сердце – неужели можно так грубо, так неумно действовать? Ведь это же все уголовно наказуемо. Неужели Бордюжа, могущественный чиновник, этого не понимает? Или ничего не знает и, как и я, видит эту пленку в первый раз?

Я оглянулся на Бордюжу. Лицо Бордюжи было спокойным, на нем лежала печать некой бесстрастности и отрешенности очень усталого человека...

Так до сих пор, спустя много времени, я и не понял, искренен ли тогда со мною был Бордюжа или нет? И все-таки я пришел к выводу: не был искренен, он подыгрывал компании, окопавшейся на Кремлевском холме...

Невольно, каким-то вторым, совершенно отстраненным сознанием отметил: а ведь дядя, который снят на видео пленке, действительно очень похож на меня... Кому это нужно, кому на руку вся эта гадость?

Прежде всего, конечно же, Березовскому. Он постарается кадры из этого гнусного ролика, за который явно заплачены немалые деньги, запустить в подведомственные – свои до мозга костей, купленные газеты, потом прокрутит по своим телевизионным каналам – и все, «успех» обеспечен.

И как ты ни оправдывайся: это, мол, не я, показ подобных пленок непроверенных, оскорбительных, порочащих, как принято говорить, честь и достоинство, – уголовно наказуем, – все это будет гласом вопиющего в пустыне.

Да и потом, когда будет решение разных независимых экспертов, когда суд признает, что лицо, изображенное на пленке, ничего общего не имеет со Скуратовым, все равно останется некий шлейф отрицательной молвы. У нас ведь всегда так бывает: обгадят человека, а потом забудут перед ним извиниться. То ли он красного петуха под крышу кому-то пустил, то ли ему пустили, никому не ведомо, на самом деле, что было, но на всяких случай надо держаться от этого человека подальше: а вдруг он виноват?..

* * *

Главное, Бордюжа прокололся, назвав имя «грешной» фирмы «Мабетекс». Проговорился он, сплеховал, – ведь никто, кроме меня да двух-трех человек в прокуратуре, не знает, что это за фирма и сколько чиновников из ельцинского окружения получили от нее взятку за заключение выгодного контракта по ремонту кремлевских покоев.

Сведения он получил явно от Пал Палыча Бородин, управляющего делами президентской администрации. А тот – от главы «Мабетекса», человека с криминальным душком, косовского албанца Беджета Паколли, поскольку тот почувствовал опасность.

И за всем этим стоят все те же знакомые лица. В первую очередь Березовский. Вот сейчас и Бордюжа начал говорить голосом Березовского...

Страна голодает, холодает, старух мы хороним в полиэтиленовых пакетах, потому что нет денег на гробы, учительницы стоят в областных городах на базарах с протянутыми руками – собирают милостыню, прокуратура возбуждает уголовные дела по фактам гибели детей от голода, а наши кремлевские небожители уже объелись, тратят миллионы и миллиарды долларов на европейские ремонты и роскошные апартаменты. Пир во время чумы!

Дела насчет умерших детей надо обязательно брать на контроль в Генпрокуратуре, брать на контроль самому Генпрокурору, – и спрашивать с виноватых строго. В Сыктывкаре, я знаю, у работницы целлюлозно-бумажного комбината умерла от голода пятилетняя дочка. Из Бурятии мне пришло письмо с жалобой на то, что дети там спасаются от голода комбикормом. Есть смертельные случаи – комбикорм в желудке разбухает, превращается в крупную тяжелую массу, и желудок разрывается. Так погибло уже несколько человек.

Знаю случаи, когда в желудках умерших детишек находили опилки – больше есть им было нечего. И это – в конце двадцатого века, в стране, которая может прокормить весь мир, но вместо этого сама протягивает руку: «Подайте, Христа ради!» И стоит на коленях, никак не может подняться на ноги. Пир во время чумы продолжается, и никто не хочет его остановить. И Бордюжа, к которому я раньше испытывал симпатию, – тоже не хочет. Он с ними заодно.

Для того чтобы отвлечь внимание от голода, холода, нищеты и бед, затевают разговоры о политическом экстремизме, о запрете компартии (вот она, окончательная победа горбачевского плюрализма, оказавшегося в итоге не таким пустым, как мнилось вначале), о тюрьме для генерала Макашова и руководителя «Памяти» Васильева, кормят народ «завтраками» и выдавливают из него последние соки, последнее терпение...

* * *

Состояние ошарашенности сменилось чувством некой усталости, безразличия – да пошли вы все! – но с этим состоянием надо было бороться. Надо было брать себя в руки. Хорошо, я жену успел предупредить о надвигающейся беде.

– Все ясно, – сказал я. – И что дальше?

А ведь пленка сделана здорово. И здорово смонтирована. И голос на видеоряд наложен такой, что очень точно повторяет мои интонации. Прижимают меня, здорово прижимают... Буквально коленом к стенке. Завтра, послезавтра, послепослезавтра, – совсем немного пройдет времени, – и эти кремлевские «пуритане» запустят машину. И доказать, что ты не верблюд, будет невозможно.

Но что нужно сделать верблюду, чтобы не проскочить в ушко иголки? Завязать на конце хвоста узел. Вот такой узел придется завязывать и мне.

– Вы понимаете, Юрий Ильич, – нерешительно начал Бордюжа, – в этой ситуации... вы в таком виде... Вам надо подать заявление и уйти.

О таких методах воздействия, о шантаже на таком уровне я раньше читал только в книжках, но чтобы самому сталкиваться – не сталкивался никогда.

– Николай Николаевич, а для чего вы все это устраиваете?

В голове возникла боль, в виски, в затылок натекло что-то тяжелое, горячее.

– Я даже не знаю, как себя вести, Юрий Ильич, – сказал Бордюжа, – какие слова подобрать для этого момента, но я хорошо знаком с настроением президента... И я повторяю, что в этой ситуации вам лучше уйти.

Конечно, я без работы не останусь, свет клином на прокуратуре не сошелся, в конце концов, я – профессор, доктор наук, не пропаду, – но если уж судьба отвела мне возможность сыграть два тайма, весь матч целиком, то оба тайма и надо играть, а потом еще и вышибать дополнительное время. И я эти таймы сыграю, чего бы это мне ни стоило.

– Заявление пишите на имя Строева Егора Семеновича, – подсказал Бордюжа, – в Совет Федерации.

– Это я знаю, – сказал я.

Действовал я почти автоматически. Придвинул к себе протянутый Бордюжей лист бумаги, достал из кармана ручку.

– Какую причину отставки указывать?

Мне показалось, что в глазах Бордюжи мелькнуло что-то сочувственное. Конечно, существует одна неписаная истина: если начальство отказывается с тобою работать, надо уходить, иначе работа превратится Бог весть во что, пойдут сплошные черные дни... А с другой стороны – с чего уходить-то? Только из-за того, что этого захотела правая нога Бориса Николаевича, даже не самого БН, а его дочери Татьяны, – только из-за этого? Мне сделалось обидно. Показалось, это не со мною происходит, а с кем-то другим, я же все это вижу со стороны – вижу и очень сочувствую человеку, который находится на моем месте. А чтобы я не брыкался – вон какую гнусную пленку состряпали.

В принципе до меня доходили слухи, что на руководящие должности, особенно в силовые структуры, – сейчас берут только людей, на которых есть компромат, чистых же не берут

совсем... Чтобы силовики эти потом не поднимали головы. Слухи об этом у меня всегда вызывали неверящую улыбку: не может этого быть! Оказывается, может...

* * *

—...Думаю, по состоянию здоровья, – сказал Бордюжа.

«Интересно, кто же в это поверит? Пару дней назад я выступал по телевидению в программе Сорокиной, был вроде бы жив, здоров – и нате-с! Впрочем, по состоянию здоровья так по состоянию здоровья. Все равно работать противно. Жалко только прокуратуру, жаль годы, потраченные на то, чтобы сделать в ней все, как надо, – ночами ведь не спал, думал, как лучше наладить работу... Лучше бы, сидя в институте, написал пару книг...» И я так позавидовал тому Скуратову, который работал в институте, что у меня даже горло перехватило. И пожалел того Скуратова, который согласился перейти на должность Генерального – он здорово подставил меня, Скуратова нынешнего.

– По состоянию здоровья так по состоянию здоровья, – пробормотал я и в следующий миг выругал себя: а ведь я проявляю слабость, я сдаюсь без боя, поднимаю руки перед беззаконием...

– Да, по состоянию здоровья, – подтвердил Бордюжа.

– Николай Николаевич, извините, а откуда у вас взялась кассета?

– Нашел у себя на столе. В конверте. Не знаю, кто положил.

Вот он, еще один прокол, еще одно вранье... Разве можно к главе администрации президента зайти в кабинет, как в каморку к дворнику дяде Феде или в подвал к спесарю-водопроводчику дяде Коле... Кто-то заглянул с улицы, завернул от станции метро «Александровский сад» и по протоптанной тропке добрался до кабинета Бордюжи. Тут, не застав владельца на месте, оставил кассету в конверте, – дойдет, мол, до хозяина...

Вот пленка и дошла. Самым невероятным способом. Ах, Николай Николаевич, Николай Николаевич! Не научили вас в погранвойсках врать. До этого генерал-полковник Бордюжа был директором Федеральной пограничной службы.

Невидящими глазами я прочитал заявление, вспомнил о последнем докладе, который я так тщательно готовил, но с которым так и не выступил – он лежит у меня на рабочем столе, – и мне вновь сделалось жаль себя, своей работы, расстрелянной вот так, влет, службы.

– Николай Николаевичу нас 3 февраля состоится итоговая коллегия Генпрокуратуры. Я там должен выступить с докладом. Дайте мне провести коллегия, я ее проведу и уйду. Это в интересах системы. Ведь нонсенс же, если на коллегии не будет Генерального прокурора...

Бордюжа, словно бы обдумывая ответ, помедлил немного, потом сказал:

– Те люди, которые добиваются вашего ухода, ждать не будут, – они вбросят кассету на телевидение.

«Ах, Николай Николаевич! Вы ведь только что говорили мне, что обнаружили кассету у себя на столе. Принес, дескать некий незнакомец. А незнакомец этот очень даже – знакомец!»

– Хорошо, вот вам заявление, – я отдал листок бумаги Бордюже, – итоговую коллегия проведет мой первый зам Чайка, а я тем временем лягу в больницу.

Бордюжа одобрительно усмехнулся. Там же, не отходя, как говорится, от кассы, я написал вторую бумагу на имя Строева: «Прошу рассмотреть заявление в мое отсутствие». Подписался и поставил дату: «1 февраля 1999 года».

* * *

Не помню, как я приехал на Большую Дмитровку, – хотя расстояние от Кремля до прокуратуры в несколько прыжков может одолеть даже ворона... Первым делом вызвал к себе Чайку:

– Юрий Яковлевич, я что-то неважно себя чувствую. Возможно, сегодня лягу в больницу. Доклад на итоговой коллегии придется делать тебе.

Чайка затоптался на месте, задергал плечами, словно бы протестуя, и я, чтобы придавить его, повысил голос:

– Доклад придется делать тебе. Тебе, и никому иному.

Следом я вызвал Розанова. Поскольку Александра Александровича я знал лучше всех, – и дольше всех, то я решил поговорить с ним без утаек. Сказал, что произошло нечто чрезвычайное.

– Александр Александрович, меня начинают шантажировать. Делается это методами, с которыми никто из нас никогда не сталкивался...

Я вкратце рассказал ему о встрече с Бордюжей, о пленке, о заявлении. У Розанова даже лицо стало другим, непонятно только, отчего – то ли от неожиданности, то ли от страха, то ли еще от чего-то; он вжался в кресло и слушал, не перебивая. Так ни разу и не перебил меня.

– Давай сделаем так: соберемся и поедем в «Истру». Ты, я, Кехлеров, Демин, Чайка... В общем, все близкие мне люди. Там нам никто не помешает все обтолковать и разобраться в обстановке.

Розанов вскочил с кресла:

– Все ясно! Так и будем действовать! – и побежал к себе в кабинет.

Через некоторое время он вернулся и сообщил мне понуро:

– Демин против. Резко против. И вообще он говорит: «Вы что делаете? Разве вы не понимаете, что все мы сейчас находимся под колпаком? Любой наш сбор сейчас воспримут как факт антигосударственной деятельности... Собраться нельзя!»

– Но в этом же нет ничего противозаконного!

Мне сделалось противно. И этого человека я сам, собственными руками усадил в то кресло, которое он сейчас занимает. – Мы же не собираемся нарушать закон, я просто хочу обсудить все с вами и получить дельный совет. Что тут плохого?

– Нет, нет и еще раз нет, – сказал Розанов. – Демин, например, не поедет. Никогда не поедет. Никогда и ни за что.

Тут я невольно подумал: а не вызывал ли Демина к себе Бордюжа или кто-нибудь из администрации? С чего бы Демину так воинственно противиться?

«Эх, друзья, друзья... Друзьями вы оказались только до определенной отметки, до определенного порога... Вас и друзьями уже звать совсем не хочется. Раз так все складывается, придется ложиться в ЦКБ...»

Я позвонил своему лечащему врачу Ивановой и сказал ей:

– Наталья Всеволодовна, я неважно себя чувствую, мне надо лечь в больницу.

Надо заметить, что все лечащие врачи, абсолютно все, – бывают рады, когда их пациенты неожиданно принимают такие решения. Иванова не была исключением из правил.

* * *

Вечером я приехал в Архангельское, на дачу, и там постарался проанализировать ситуацию, сопоставив только голые факты и отбросив в сторону всякие эмоции и прочую «клякву», которая мешает спокойно и холодно соображать. Ведь когда шла живая беседа с

Бордюжей, когда крутилась пленка, моему внутреннему состоянию вряд ли кто мог позавидовать, – любой, окажись на моем месте, запросто потерял бы способность соображать, в этом я уверен твердо, – не очень соображал и я. Мне просто хотелось, чтобы все это поскорее кончилось... А сейчас надо точно вычислить, что именно за всем этим скрывается? И кто конкретно?

Пока понятно одно: состоялся, скажем так, показательный сеанс шантажа, один из участников сеанса известен – Бордюжа. Волю он исполняет не свою – да Бордюжа и сам этого не скрывает, – чужую волю... Ответ я уже себе дал: волю Березовского и К°. Но этот ответ был бы слишком поверхностным, тем более что последующие шаги Бордюжи показали – он враг БАБа. Что же касается моей скромной персоны, то Бордюжа здесь выступает обычным соучастником преступления. Довольно рядовым.

Но от этого роль его становится еще более неприглядной, более противной – как мог боевой офицер, генерал опуститься до этого?

И все-таки откуда он узнал о «Мабетексе»? Ведь информация об этом не просочилась пока ни в одну щелку. Щелки такие маленькие, что не только информация – клоп не пролезет.

Тут я вспомнил, что генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте звонила мне в январе. Госпожа дель Понте рассказала, что по просьбе нашей прокуратуры она провела выемки документов в штаб-квартире «Мабетекса» и что обнаружили очень любопытные документы. В частности, кредитные карточки, выписанные на имя Татьяны Дьяченко, Елены Окуловой и самого российского президента, что двумя карточками из трех пользовались. Это были банковские карточки дочерей президента.

Звонила госпожа дель Понте по обычному городскому телефону, разговор этот явно засекли, записали и доложили о нем наверх. Если не президенту, то как минимум Дьяченко, Бордюже и Бородину. Значит, уже тогда мой телефон прослушивался...

Дело хотят замять, а меня в этой ситуации убирают как человека, который «непонятлив до удивления» и не хочет это дело замять. Пленка же, сфабрикованная, смонтированная, склеенная – обычный инструмент шантажа, и Бордюжа – обычный соучастник преступления, я все квалифицировал правильно.

Ночь та у меня выдалась бессонная, я так и не смог заснуть до самого утра.

Утром я сказал жене:

– Лена, похоже, началось... Помнишь, я тебя предупреждал? Против меня раскручивается грязная провокация.

– Уже? – недоверчиво спросила жена.

– Уже. Держись, Лена! И будь, пожалуйста, мужественной!

Легко произносить эти слова, когда над тобой не висит беда, когда находишься в нормальном состоянии и не воспринимаешь все происходящее обостренно, но можете представить, каково было в те минуты мне, моей жене? Пока это касалось только нас двоих, но через несколько дней это будет касаться всего моего дома, всей семьи.

Им, нашим родным, нашим домашним часто наши победы и наши поражения достаются гораздо тяжелее, чем нам. Ну что мне могла ответить жена?..

* * *

Утром я собрался перебираться в ЦКБ, взял с собою необходимые вещи, спортивный костюм, вызвал машину. Бессонная ночь меня подтолкнула еще к одному выводу: вновь надо встретиться с Бордюжей.

По дороге, прямо из машины, – на часах было восемь утра, – я позвонил ему в кабинет. Бордюжа находился на месте.

– Подъезжайте! – коротко сказал он.

– Николай Николаевич, – сказал я ему в кабинете, – то, что вы совершаете, – преступление, для которого предусмотрена специальная статья Уголовного кодекса. Независимо от того, каким способом была сострепана эта пленка – это особая статья и подлинность пленки еще надо доказывать, – вы добиваетесь моего отстранения от должности и тем самым покрываете или, точнее, пытаетесь покрыть преступников. Делу о коррупции – в частности, делу, связанному с «Мабетексом», – дан законный ход. Я говорю вам это специально, чтобы вы это знали.

– Юрий Ильич, поздно, – сказал мне Бордюжа. – Ваше заявление президент уже подписал. Так что я советую вам спокойно, без излишних резких движений уйти.

В тот момент я еще не был готов к борьбе, сопротивление еще только зрело в душе, оформлялось, нужно было время, чтобы оно созрело окончательно, да, кроме того, я, честно говоря, не думал, что президент подпишет заявление «втемную», не вызвав меня, не переговорив, не узнав, в чем дело. Я во время встречи многое бы объяснил ему, постарался открыть глаза, но... Честно говоря, я не думал, что с чиновником такого ранга, как действующий Генеральный прокурор, могут обойтись так, как со мною обошелся Ельцин. Он даже не позвонил, не спросил, в чем дело. А я-то считал, что нас связывают не только добрые служебные, но и добрые личные отношения.

– Ну что же, раз президент такое решение принял, значит, ему виднее, – сказал я.

Надо было покидать этот «гостеприимный» кабинет:

– До свидания. Но вы, Николай Николаевич, совершаете ошибку...

Я уехал.

Это был еще один удар. Позже, уже лежа в больнице, я понял, что президент находился с этими людьми заодно – действует так, как скажет ему Татьяна, а значит – как скажет Березовский. Вот кто реально управлял в те минуты государством, вот кто совершал поступки, за которые в нормальном обществе положен приличный срок. Значит, напрасно я уповал на президента, как на последнюю свою надежду – он-де все поймет и все поправит. Ничего он бы не понял и ничего не поправил.

Но надежда тогда еще была жива, она вообще, по старой мудрой истине, умирает последней. Подавленный и словно бы выпотрошенный, выскобленный изнутри, я поехал в больницу, не ощущая ничего, кроме боли и какой-то странной внутренней усталости.

Тогда я еще не думал, не гадал, что вскоре начнется жесточайшее противостояние, что главная борьба еще впереди. Пока хотелось одного забыться. Отдохнуть. Может быть, понастоящему выспаться. Хотя бы один разок за последние три с половиной года.

Волновало и то, что завтра, 3 февраля, в Генпрокуратуре должна состояться коллегия. Как она пройдет, как воспримут главного докладчика Чайку? Ведь съедутся прокуроры со всей России, и это не просто прокуроры. Это юридическая элита, великолепнейшие имена, блестящие практики. У писателей есть выражение, что литература – это штучный товар, а каждый творец, художник слова – это самостоятельный завод по производству штучного товара, так и российские прокуроры... Не подведет ли Чайка?

В общем, голова за завтрашний день болела здорово: все ли будет в порядке?..

* * *

Но главный сюрприз ожидал меня вечером. По телевидению прошло короткое сообщение – естественно, с моим портретом на заставке, как это и положено у телевизионщиков: «Генеральный прокурор Скуратов подал заявление об отставке. Сегодня он госпитализирован в Центральную клиническую больницу».

Еще один удар. Безжалостный, кинжалом в спину, подлый. Удар не только по мне лично – по всей прокурорской системе.

В Москву уже съехались мои коллеги со всей страны, сейчас они прослушали это сообщение... И что же? Это же завтра на коллегии будет твориться неведомо что!

Бордюжа и тут обманул меня, пообещав, что до того, пока не пройдет коллегия, ни одно слово о происходящем не дойдет до средств массовой информации. Не сдержал своего слова Николай Николаевич, не сдержал... Бог ему судья!

Прокуратура наконец-то начала становиться на ноги, поверила в свои силы, все знали, что есть генеральный Скуратов (а в тридцати регионах я побывал лично), знали, что есть лидер... И прокуратура работала на лидера. И вот – ни лидера, ни Скуратова, ничего. Хотелось плакать, хотя совсем не мужское это занятие – плакать. Но что было в тот момент, то было.

В прокуратуре, как мне потом рассказывали, царило не то чтобы уныние, – царило некое непонимание. Чайка прочитал доклад, обсуждение было скомкано.

Обстановка была бы совсем иной, если бы Бордюжа сдержал свое слово.

Мне в больницу позвонил Швыдкой, руководитель одного из главных российских телеканалов, позвонили Сванидзе и многие другие. Не позвонил, к сожалению, мой ученик – министр юстиции Крашенинников, человек, которого я почти всегда, особенно в неофициальной обстановке, называл Пашей. Увы!

Приезжал Пал Палыч, – так мы звали Бородину, – лучась улыбкой, доброжелательностью, еще чем-то, чему и названия нет, – пытался выяснить ситуацию с моим настроением и планами. Я же хотел прояснить вопрос насчет костюмов, которые совсем недавно пошил с его помощью. Приезд Пал Палыча, замечу, оставил впечатление этакого разведывательного визита. Приезжал Степашин, приезжали многие другие.

Позвонил Евгений Максимович Примаков. Человек умный, информированный, сам проработавший много лет в спецслужбе, он прекрасно понимал, что телефон прослушивается, поэтому не стал особенно распространяться и вести длительные душещипательные беседы. Он сказал:

– Юрий Ильич, надеюсь, вы не подумали, что я сдал вас?

– Нет!

– Выздоровливайте!

Звонок Примакова поддержал меня, премьер – тогда еще премьер – дал понять, что находится рядом со мною...

Пока я лежал в «кремлевке», вопрос о моей отставке был внесен на рассмотрение Совета Федерации, и Совет Федерации неожиданно для кремлевских властей уперся: рассматривать вопрос без присутствия Скуратова не будем, это неэтично. Заочно такие вопросы не решаются.

Мне стало ясно, что Совет Федерации захочет серьезно во всем разобраться и вряд ли вот так, «втемную», сдаст.

Я внимательно прочитал стенограмму заседания. Неожиданно нехорошо задело высказывание Строева.

Кто-то из зала произнес:

– Да Скуратов же болеет! Как можно рассматривать вопрос, когда человек болеет?

Строев не замедлил парировать:

– Он здоровее нас с вами!

А ведь Егор Семенович ни разу мне не позвонил, не поинтересовался, как я чувствую себя, не спросил, удобно ли в мое отсутствие выносить этот вопрос на заседание... А чувствовал себя я очень неважно. Во сне у меня начало останавливаться дыхание, я давился им, будто костью, – с остановкой дыхания казалось, что останавливается и сердце. В таких случаях невольно даже во сне боишься умереть, – за ночь я просыпался раз двадцать-тридцать. Было тяжело...

* * *

Вечером ко мне приехал Владимир Викторович Макаров, заместитель руководителя администрации президента:

– Напишите еще одно заявление об отставке.

Перед его приездом, кстати, позвонил Бордюжа, попросил сделать то же самое. И еще звонил Путин. Путин был, конечно, в курсе всех шантажных дел и вообще в курсе игры, которую вела «семья», держал соответственно равнение на Кремлевский холм, и сказал:

– В печати уже появилось сообщение насчет пленки... Это стало известным, Юрий Ильич, увы... Говорят, что на меня также есть такая же пленка.

В общем, он подталкивал к мысли: чем раньше я уйду, тем будет лучше. И вообще будет меньше шума... Звонки Бордюжи и Путина были этакой предварительной артиллерийской обработкой, которая всегда проводится перед всяким наступлением, а с появлением Макарова я понял: наступление началось!

Я сказал Макарову:

– Членов Совета Федерации я знаю хорошо: к ним придется идти и объясняться. Заочно они меня не отпустят. В Совете Федерации народ сидит серьезный... Заявление я писать больше не буду.

Честно говоря, именно в тот момент я твердо решил бороться. Бороться до конца: ну почему я должен уступать этим номенклатурным искривленцам? Ведь не я нарушаю закон, а они... Они! Все-таки я юрист, и не самый последний юрист в России... Неужели меня эта публика сломает?

Утром мне сказали, что по телефону меня разыскивает Строев.

Раз разыскивает, значит – припекло. Да и зол я был на него в ту минуту... Попросил передать, что я нахожусь на процедурах, и ушел на эти самые процедуры.

В этот же день, следующий после голосования, губернатор Магаданской области Цветков вновь поднял вопрос о моей отставке: чего, мол, человека поднимать с постели и вызывать на заседание? Он болеет и пусть себе болеет... Давайте удовлетворим его заявление, освободим, и – дело с концом.

Но Совет Федерации не пошел на поводу у Цветкова, в голосовании ему было отказано.

Начался этап изнурительной, тяжелой, длительной борьбы. Как ни уговаривал меня Макаров написать второе заявление об отставке, так я его и не написал.

Газетная атака

Когда лежишь в больнице, когда свободного времени не счесть, можно хорошенько обмыслить и собственные поступки, и собственную деятельность, и собственные планы с рабочими «сюжетами».

Конечно же, разговор об отставке был начат не сейчас и не в кабинете Бордюжи – он, судя по всему, произошел на Кремлевском холме еще в 1998 году, в декабре.

В декабре 1998-го у меня должна была состояться встреча с Ельциным, я к ней готовился, – и, вполне возможно, там бы зашел вопрос и о моей отставке, – но вскоре мне объявили, что встреча в декабре не состоится, президент срочно ложится в больницу.

Поскольку я уже физически ощущал, как сгущаются тучи над моей головой, это сообщение я воспринял с облегчением.

В январе ко мне пришел Хапсироков... Кто такой Хапсироков? Как я узнал позже, в Генпрокуратуре его все звали Хапсом, и в этой кличке, похожей на хватательное движение, Хапсироков не видел ничего оскорбительного, наверное, потому, что она соответствовала его сути.

Про себя Хапсироков говорил: «Я, конечно, не первое лицо в Генпрокуратуре, но и не второе...» А был-то Хапсироков всего-навсего управделами на Большой Дмитровке. Но суть не в этом. Управделами во всякой крупной организации – это главный завхоз, и, как всякий завхоз, естественно, имеет доступ к первому лицу. Так и Хапсироков. Он пришел ко мне и сказал:

– Юрий Ильич, разговор наш – под секретом. У меня есть точная информация: на вас собран большой компромат, поэтому вам надо из Генпрокуратуры уходить.

Час от часу не легче. В этом предложении было что-то беспардонно кремлевское: вот ведь – завхоз предлагает руководителю организации добровольно распрощаться со своим креслом.

Я ответил Хапсирокову довольно спокойно:

– Ничего противоправного я не совершал, наоборот, всегда старался этого избегать, поэтому о толстой папке компромата и речи идти не может... И уходить я никуда не буду. И не собираюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.